

МОНИКА КРИСТЕНСЕН УГОЛЬНАЯ КРОШКА

**АРКТИЧЕСКИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН**

Арктический криминальный роман

Моника Кристенсен

Угольная крошка

«Паулсен»

2008

УДК 821.113.5
ББК 84.4(Норв)

Кристенсен М.

Угольная крошка / М. Кристенсен — «Паулсен»,
2008 — (Арктический криминальный роман)

ISBN 978-5-98797-170-0

Маленькая девочка исчезает из детского сада в шахтерском поселке Лонгиер на Шпицбергене. Никогда еще дети не пропадали в этих местах, где все знают друг друга и где за границами поселка безмолвная арктическая пустыня. Это загадочное исчезновение как спусковой крючок порождает новые преступления, распутать которые пытается шпицбергенский инспектор полиции Кнут Фьель.

УДК 821.113.5
ББК 84.4(Норв)

ISBN 978-5-98797-170-0

© Кристенсен М., 2008
© Паулсен, 2008

Содержание

Главные действующие лица	6
Глава 1. Следы	8
Глава 2. Без вести пропавшая	13
Глава 3. Тени	18
Глава 4. Поиски	25
Глава 5. Не робкого десятка	29
Глава 6. Объявлена в розыск	33
Глава 7. Украдкой	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Моника Кристенсен

Угольная крошка

© Forlaget Press, 2008

© Паулсен, 2017

Главные действующие лица

Архипелаг Шпицберген (он же Свальбард) – обширный полярный архипелаг, расположенный в Северном Ледовитом океане между 76°26' и 80°50' северной широты и 10° и 32° восточной долготы. Принадлежит Норвегии.

Лонгиер (он же Лонгйир, Лингиир, Лонгйир, Лонгиербьюен) – крупнейший населенный пункт и административный центр норвежской провинции Свальбард (архипелаг Шпицберген) с населением 2100 человек.

«Стуре Ношке» – государственная горнодобывающая компания, располагающаяся на полярном архипелаге Шпицберген. Была образована в 1916 году в качестве подразделения американской компании Arctic Coal Company (АСС).

«Угольные крошки» – детский сад в поселке Лонгиер.

Кнут Фьель – офицер полиции, сотрудник администрации губернатора Шпицбергена.

Хьелль Лоде – консультант по культурному наследию Шпицбергена.

Анна Лиза Исаксен – губернатор Шпицбергена.

Стейнар Ульсен – горный инженер компании «Стуре Ношке».

Туна Ульсен – жена Стейнара, воспитательница детского сада «Угольные крошки».

Элла Ульсен – их дочь.

Ингрид Эриксен – заведующая детским садом «Угольные крошки».

Ларс Уве Беккен, Кристиан Эллингсен – шахтеры, по совместительству криминальные элементы.

Трулте Хансен – пожилая дама, общественная активистка.

Тур Бергерюд – пилот авиакомпании «Эйрлифт».

Лина Бергерюд – жена Тура.

Эрик Хансейд – офицер полиции, сотрудник администрации губернатора.

Фрэдис Хансейд – жена Эрика.

Пер Лейквик – старый шахтер, контужен при аварии.

Том Андреассен – заместитель губернатора, по совместительству начальник полиции.

Харальд Энебакк – сотрудник Красного Креста.

Люнд Хаген – шеф КРИПОСа, национальной службы уголовных расследований.

Ян Мелум – сотрудник КРИПОСа.

Отто Карлсен – офицер полиции, эксперт-криминалист.

Лонгиер

Глава 1. Следы

Четверг 22 февраля 13.30

Он укрылся за большим сугробом и осторожно двинулся вперед. За спиной также высились сугробы, скрывая дорогу к домам в районе Бломюра, где жили в основном холостые шахтеры. Временами мимо проезжала машина, но свет фар скользил над его головой. Прохожих в последние полчаса тоже не попадалось. Вряд ли кто-либо мог его заметить в его укрытии. Сам же он видел все и вся.

Стоял крепкий мороз. Он поплотнее натянул капюшон, отогнув на лоб меховую опушку. Спустя какое-то время внизу зашевелились. Крохотные фигурки принялись бегать и копошиться в снегу, которого много навалило прошедшей ночью. Он присмотрелся и почти сразу увидел ту, кого искал. Глаза его довольно сощурились. Малышка, маленький медвежонок, и сегодня вышла на прогулку. Она скатилась с горки, снег вмиг облепил ее с ног до головы. Затем она поднялась на четвереньки, шлепнулась, но вскоре снова была на ногах. Тут к ней вприпрыжку подбежали два кролика. Один – зеленый, с почти оторванным ухом, которое болталось у щеки. Другой – синий. Он пристально смотрел, как все трое скрылись за сарайчиком на другом конце детской площадки.

Через несколько минут он подполз поближе. Знал, что за сарайчиком они могли перелезть через ограду. Там намело сугроб, так что это даже самым маленьким было под силу. Но они не всегда этого хотели. Когда он делал им знак подойти поближе, они просто стояли и смотрели на него ясными удивленными глазами, будто не понимая, чего ему от них нужно.

Отважится ли он угостить их сегодня? Может, дать апельсин? Нет, слишком холодно. Сладости наверняка надежнее. Это они любят. Он снял перчатку и начал шарить в глубоких карманах.

С другой стороны детского сада на крыльце стояла дрожа заведующая. Она озабоченно посматривала на пешеходную дорожку, огибавшую садик. Был конец февраля, и небо уже выглядело заметно светлее, чем всего пару дней назад. Совсем скоро солнце покажется над горизонтом, впервые в этом году. Макушки гор, обступивших заполярный городок, прятались в сказочной стране облаков, подсвеченных желтым и красным. Но дома Лонгиера по-прежнему укрывали глубокие синие тени.

Заведующей зябко было стоять на улице в одном свитере, но она все не уходила с крыльца, тревожно глядя на дорожку и огни центральной площади. Люди спешили в магазины и домой, и редко кто останавливался, чтобы перекинуться парой слов. В тихом холодном воздухе все звуки слышались отчетливо и одновременно приглушенно – словно укутанные войлоком.

Куда же подевалась эта несносная девчонка? Неужели и правда смогла выйти на улицу? Заведующей никак не удавалось унять беспокойство, хотя она понимала, что Элла никак не могла отпереть входную дверь. Замок как-никак располагался высоко, за пределами досягаемости для детских ручонок. Нет, она, конечно, скоро найдется, как это было и с другими этой зимой. Бесит только, что непонятно, где они прячутся. Просто удивительно, что они смогли найти такое надежное укрытие. Удивительно, но не страшно. Чего тут бояться. Но это бесит – что есть, то есть.

Тут заведующая осознала, что она смотрит на что-то, что ее беспокоит. В обратную сторону от центра, по направлению к отелю «Полар», тянулся отчетливый след. Или, точнее сказать, два следа. Прямая как стрела цепь отпечатков взрослых ног. А рядом – крохотные детские, переплетенные со взрослыми. Разве мог кто-то забрать Эллу из садика не предупредив? В таком случае она лично проследит, чтобы подобное больше не повторилось. В этом плане

заведующая была строга. Она требовала сообщать загодя, если детей собирался забирать кто-то, кроме родителей.

Две цепочки следов, утопленные в свежесвыпавшем снегу, выглядели так умиротворенно. Нетронутые ни единым дуновением ветра, они отпечатались с идеальной четкостью, особенно заметные там, где на них падал свет уличных фонарей. Пустынная дорожка шла мимо новой больницы. Ее солидное бледно-желтое здание в яркой подсветке высилось прямо напротив детского сада. Следы тянулись вдоль края сугроба насколько хватало глаз. Но в тихом воздухе снова закружились снежинки. Крохотные звездочки сыпались из темной синевы неба и металась нерешительно во все стороны. Скоро следы совсем заметет.

Заведующая вздохнула и зашла обратно в прихожую. Комната была заполнена разноцветными детскими одежками, разбросанными по низким полкам и вешалкам. Из-за холода дети раньше обычного пришли с прогулки. Комбинезон Эллы не висел на нужном крючке, но это еще ничего не значило. Дети постоянно бросают свои вещи где придется, сражаться с этим бесполезно. Но на полке не было и Эллиной коричневой медвежьей шапочки с мохнатыми ушками. Сапожки тоже пропали. Элла очень гордилась шапочкой и розовыми сапожками с белой меховой оторочкой. Таких больше ни у кого не было. Ей подарила их любящая бабушка, живущая на Большой земле, и Элла никогда бы не стала их закидывать куда попало. Если шапка и сапожки найдутся, это будет означать, что и Элла где-то рядом.

Детский сад находился в центре Лонгиера. Местные произносили это сочетание без всякой иронии. Только туристам казалось забавным, что слова «площадь» и «центр» используются по отношению к горстке офисов, магазинов и питейных заведений.

Чужакам этого было не понять. Им и в голову не приходило, что между самыми отдаленными домами Адвентдалена и кранами на набережной Кюльйкайа лежали километры безлюдных дорог. Они не замечали теней, укрывавших строения в Бломюре и на Шэринге. И забывали про белых медведей, которые брели через город в сторону замерзших фьордов, неслышные и почти не заметные на снегу. А местные знали, что даже в самом крохотном селении есть центр, где можно выдохнуть и почувствовать себя в безопасности. И в самом центре в свете фонарей разделенные мирной пешеходной дорожкой располагались детский сад и больница. Никто никогда не видел здесь медвежьих следов.

Пешеходная дорожка тянулась от отеля «Полар», через площадь, где как живой стоял бронзовый шахтер в каске и с лопатой в руке, и огибала здание нового отеля «Бэйскамп», богато украшенного деревянными панелями. Затем она снова распрямлялась между магазином «Рабиесбуа» и еще одним, торговавшим спортивным инвентарем, чтобы окончательно исчезнуть на улице Хилмара Рекстена, оставив пешеходам только обочину проезжей части. Впрочем, по обочинам обычно ездили снегоходы.

По дорожке ходили нечасто, в основном пользовались коротким отрезком между парковкой у офиса газеты «Свальбардпостен» и зданием почтамта и банка. Или поднимались с парковки у Бизнес-центра на площадь. Все больше людей предпочитали добираться на работу за рулем. Так что сейчас единственными пешеходами остались бегуны и собачники.

Полярная ночь уже не та, что прежде. В былые времена местные встречались на дороге и останавливались поболтать. Все знали, кто вышел на улицу, куда идет и, в общих чертах, что вообще происходит. Теперь с этим стало сложнее. Тьма полярной ночи захватила городские окраины в свой плен.

– Нашли Эллу? – вдруг услышала она рядом с собой голос воспитательницы старшей группы, которая вышла из игровой бесшумно, в одних носках.

Заведующая медлила с ответом. Ей не хотелось без нужды пугать своих сотрудников.

– Я видела у крыльца детские следы, но она ведь не могла... Даже если ей каким-то образом удалось открыть замок изнутри, она не смогла бы закрыть его снаружи. Не дотянулась бы. Хотя, конечно, взрослый человек...

Она подавленно взглянула на воспитательницу.

– Вы все комнаты обошли? А туалеты?

– Я обыскала все. И даже позвонила ее отцу. Но он не берет трубку. Наверное, в забое.

– Вы уже сказали Туне? – заведующая быстро огляделась.

– Нет, она сидит с малышами. Выглядит такой довольной, в кои-то веки. Мне не хватило мужества сказать ей, что ее дочурка куда-то опять улизнула. В прошлый раз она чуть с ума не сошла.

Воспитательница подняла варежку, валявшуюся на полу, и положила ее на полку.

– Никак не возьму в толк, куда они прячутся. По-моему, мы уже везде искали. Даже в чулане.

Женщины замолчали, глядя друг на друга.

Мужчина, притаившийся за сугробом, не боялся, что его кто-нибудь увидит. Он думал о детях, об их румяных щечках. О красных от мороза щечках и носиках и о том, как мило они ими шмыгают. Об их неуклюжих движениях, скованных теплыми комбинезонами, и ясных глазах, которые смотрели на него с доверчивым любопытством. Как будто он ничем не отличался от других взрослых. Ему так хотелось прижать к себе маленькое детское тельце. Но он не решался даже протянуть руку, чтобы дотронуться до внимательных лиц.

Дети радовались сладостям, но не поддавались на его уговоры перелезть через ограду. А сам он не отваживался перебраться к ним. В освещенных окнах садика он видел фигуры воспитательниц. Одна из них подошла к стеклу и долго смотрела в его сторону. Он замер в надежде слиться с тенью сугроба.

Но ничего не случилось. Не слышно было ни стука резко распахнутой двери, ни сердитых криков «что тебе здесь нужно?».

Время шло. Мужчина за сугробом продрог, но шевелился лишь изредка, медленно и осторожно. И вдруг пропал.

Заведующая оделась и вышла на крыльцо с задней стороны садика. Перед ней лежала детская площадка: ледовые дорожки, качели, горка и турник. В тени ограды валялись забытые санки. Эллы не было видно. Она выкрикнула ее имя, осторожно, почти что украдкой. Что если кто-то проходит мимо и услышит? Что скажут люди, увидев, как она стоит и кричит в пустоту? Но голос ее прозвучал чуть слышно. Долетев до середины площадки, он бессильно увяз в свежевыпавшем снегу.

Сарайчик лежал в густой тени. Дверь запирали старый заржавелый крючок. Его бы Элла сама не открыла. Но что если другие дети заперли ее там? И никто не слышал, как она звала на помощь? Заведующая отбросила тревожные мысли и поспешила вниз по ступенькам.

Дети видели заведующую сквозь отверстия в сугробе. Они захихикали, но тихо, прикрывая рты толстыми варежками. Сначала по ступеням крыльца загремели огромные сапоги. Затем они увидели, как она широко шагает в своем коричневом пуховике через площадку в сторону сарайчика. И что ей там понадобилось? Магнус высунулся было из сугроба, чтобы получше рассмотреть, что она делает, но Калле довольно решительно затащил его обратно. Они сидели тихо как мышки и переглядывались с хитрыми минами.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как воспитательница загнала детей в помещение по причине сильного мороза. Но у них карманы были набиты сладостями, которые они не успели съесть. Потому Калле предложил спрятаться под садиком. Все остальные дети малопомалу зашли внутрь, и только несколько друзей притаились под крыльцом. Сейчас они поти-

хоньку скатывались все ниже по узкому снежному туннелю. Дети понимали, что это их, возможно, вышла искать заведующая. Но знали, что ей их не найти. Ведь взрослые такие глупые. Сложно подобрать нужные слова, чтобы объяснить. Просто взрослые никогда ничего не понимают. Заведующая, наверное, думала, что им не под силу открыть входную дверь!

– Тупняк, – прошептал Калле, которому скоро исполнялось шесть. Он был заводила и знал все крутые словечки. – Мегатупняк. Шупермегатупняк.

У него выпали оба передних зуба, и оттого он немного шепелявил. В такие моменты он казался не настолько лихим и взрослым, как ему бы хотелось.

Четверо малышей пробирались все глубже в пустое пространство под зданием садика. Они старались не шуметь, но их комбинезоны со скрипом терлись о снег. И они не могли перестать ворчать друг на дружку.

– Не толкайся.

– Это ты толкаешься. А еще ты меня сапогом пнул.

– Неправда! Это не я, это...

Звуки их голосов становились все тише и наконец совсем пропали.

Как и большинство домов в Лонгиере, детский сад стоял на высоких сваях, вколотых глубоко в землю. На Шпицбергене были возможны только два способа строительства: либо позволить дому стоять прямо на грунте и двигаться вместе с тающим и замерзающим верхним слоем вечной мерзлоты, либо строить на опорах, достаточно длинных для того, чтобы достичь глубоких слоев, которые никогда не тают. Первый способ больше всего подходил для бревенчатых строений, немного смещавшихся в зависимости от времени года. Второй применялся для каменных домов, иначе в их стенах появлялись большие трещины. Дома на сваях имели то преимущество, что, если они правильно располагались относительно розы ветров, весь снег сдувало через пустоты под домом на другую сторону. Но детский сад лежал в низине. В снежные зимы сугробы окружали здание и образовывали под ним невидимые глазу пустоты.

Заведующая разрешала детям играть под садиком. Там было темно, полно щебня и мелких камней, пахло железом и землей. Пространство между сваями было низким и тесным, по крайней мере для взрослых. А поскольку родители большинства детей в детском саду «Угольные крошки» так или иначе имели отношение к угольной компании «Стуре Ношке», между опорами здания проложили коридоры, так что дети могли играть там в шахтеров. То там, то сям развесили лампы наподобие тех, что висят в забоях, и прочее снаряжение, подарок компании. Заведующая считала, что ей удалось создать реалистичную модель шахты, где дети могли узнать больше о горном деле. Игры под зданием проходили летом и осенью. Зимой коридоры заносило снегом. Во всяком случае, так думала заведующая.

Но кое-кто из детей обнаружил, что и зимой под садиком есть большие пустоты. Протиснувшись в провал, который всегда образовывался у крыльца с подветренной стороны, можно было соскользнуть вниз по дождевому стоку и оказаться в низком темном гроте из крепко утрамбованного снега. Дети научились рыть окошки в сторону пешеходной дорожки. Сквозь них в подземелье тоненькими лучиками сочился свет уличных фонарей. А дети могли сидеть и подглядывать за прохожими – или хотя бы пытаться угадать, чьи они видят ноги.

Но сегодня их занимало другое.

– Не вздумай перелезть через сугроб позади сарая. Ты нам все испортишь, – сердито обратился Калле к одному из близнецов. – Повторяй за мной: обещаю не перелезть через забор.

Трехлетка кивнул, готовый вот-вот расплакаться:

– Я просто хотел взять у него шоколадку, я не... – он шмыгнул носом и вытерся рукавом.

– Ну, ну, – с сомнением откликнулся Калле. – Но если это повторится, то я оторву второе ухо от твоей кроличьей шапки.

– Блин, не будь ты таким злым, – Магнус смутно чувствовал, что ему следует по возможности не пасовать перед ровесником.

– Не надо ругаться! – возмущенно воскликнула Элла.

Мальчишки разом обернулись и зашикали на нее, ведь она все-таки была девчонкой.

– Ингрид может нас услышать, а ну тихо, все трое! – последнее слово как всегда осталось за Калле.

Он засунул руки в карман своего комбинезона:

– Что там у вас, а?

И вытянул три карамельки и маленький пакетик леденцов. Под его пристальным взглядом остальные тоже выложили на снег свою добычу. Они поделили сладости поровну и поспешили набить рты. Какое-то время дети сидели относительно мирно и тихонько жевали.

– Думаешь, это тебя сейчас шестой толкнул? – спросила Элла Калле.

– Нет никакого шестого, – Калле окинул ее строгим взглядом. – Только дураки в такое верят. Ш-шалаги! – отец Калле проработал в шахте больше двадцати лет.

– Что еще за шестой? – спросил близнец и боязливо оглянулся.

– Ну, типа в шахте за бригадой кто-то идет, – пояснил Калле с высокомерной миной. Близнец смотрел на него непонимающе.

– Ну, бригада, шахтеры то есть. Они копают уголь в самой глубине забоя. А в шахте темно, знаешь ли. Темнее чем здесь, наверное. И вот, если, значит... Если кто-нибудь обернется, чтобы посмотреть, что делает другой... Тогда они видят, что их стало на одного больше. Если их пятеро, то кажется, будто уголь копают уже шестеро. Вот кто такой шестой. Но это только такие, как Эллин папа, такие дитлет... дилетл... новички верят в привидений.

Элла потупилась. Ей хотелось вступить за отца. Но она не знала, что возразить.

– А вот папа в шестого верит. Он его видел, – сказала она наконец. Но Калле не удостоил ее ответом. Разговор ненадолго смолк.

– Как думаете, можно залезть еще глубже под дом? – внезапно спросил Магнус. Он уже съел все свои сласти.

Калле пожал плечами. Но Элле стало интересно.

– Проверим?

Она полезла глубже в низкий туннель, уходящий в темноту. Мальчишки наклонились посмотреть, и Магнус медленно пополз вслед за ней. Вскоре Элла тихонько вскрикнула:

– Помогите, меня завалило. И напало снега за шиворот. О, вот это да! Здесь настоящая пещера. Айда за мной!

Но Калле дернул Магнуса за ногу и закричал, что им нужно вернуться к выходу и посмотреть, зашла ли заведующая обратно в дом.

– Я замерз, – шмыгнул носом близнец. – Уходим, а?

Калле первым вылез из-под крыльца и убедился, чтобы никто не увидел их в окно. Он осторожно поднялся по ступенькам и пару раз постучал в дверь. Изнутри второй близнец пододвинул скамейку и забрался на нее, чтобы дотянуться до замка. Тут ему пришлось немного повозиться. Справившись с защелкой, он убрал скамейку на прежнее место. Один удар по двери дал Калле понять, что можно заходить.

Тем временем Элла барахталась в тесном снежном тоннеле, пытаясь выбраться наружу. Она вспотела от натуги и расстроилась, что ее не подождали. Когда Элла наконец вылезла, другие были уже в помещении. И она забыла закрыть за собой защелку.

За оградой садика, по пешеходной дорожке, зашагали ноги в больших кожаных сапогах. Они немного потоптались на месте, потому что мужчина, обладатель сапог, какое-то время стоял и слушал голоса детей под домом. Он улыбался своим мыслям. Мечтательной улыбкой, на удивление красивой на его уродливом лице.

Глава 2. Без вести пропавшая

Четверг 22 февраля 16.10

– Это администрация губернатора? – в голосе женщины слышалось раздражение.

– Нет, вернее, да. У телефона Кнут Фьель, дежурный. Извините, просто я сейчас дома и готовлю ужин. Администрация закрыта, поэтому¹...

– Ясное дело, закрыта. Иначе бы меня не переключили на вас. Это же дежурный номер? – на том конце провода явно были настроены решительно.

– Разумеется. Простите. Так что случилось?

– Ну, – она вздохнула. – Тут такое дело. Возможно, это прозвучит немного... – она замялась. – Но мне кажется, что нам ничего не оставалось, как позвонить вам.

«Ну, давай уже, говори», – подумал про себя Кнут. Он предвкушал долгий ленивый вечер на диване у телевизора. Но вслух ничего не сказал. Молчание – это часто хороший способ заставить людей говорить.

– Меня зовут Ингрид Эриксен, я заведую детским садом «Угольные крошки». Случилось так, что... в общем, мы не можем найти одного из детей. Мать работает в садике. После обеда она хотела забрать дочь, но оказалось, что той нигде нет. Мы обыскали весь детсад. К тому же ее верхняя одежда тоже пропала. Сапоги, шапка, комбинезон и варежки, все исчезло.

Кнут провел рукой по волосам. Он даже не знал, что ответить. Ему казалось, всему этому должно было быть какое-то совершенно простое объяснение. Потому что дети на Шпицбергене не пропадают. Он не мог вспомнить ни единого случая.

– Да, мы, конечно, не думаем, что... я имею в виду... Лонгиер – город небольшой. У нас здесь все на виду. Мы не считаем, что случилось что-то криминальное. Но дело в том, что... сейчас такой мороз. Ниже минус двадцати. Мне страшно подумать... Что, если она одна, сорвалась с уступа или заблудилась, или...

– Она могла выйти из садика самостоятельно? – Кнут наконец-то начал собираться с мыслями. – Она в состоянии сама одеться?

– Да, конечно. Ей скоро шесть. Но наружные двери у нас всегда заперты, а задвижки расположены высоко, детям не дотянуться. Да и зачем ей уходить одной? Никто из детей так ни разу не делал. Обычно их забирают родители или кто-то, о ком родители уведомили нас заранее. С этим у нас строго. Но...

– Но?

– Возможно, отец мог забрать ее не предупредив.

– Если отец забрал ребенка, разве можно считать его потерявшимся? Мать заезжала домой проверить? Кстати, о ком вообще речь?

Ингрид Эриксен снова вздохнула.

– Мы звонили им домой. Мы тут все-таки не полные идиоты. Отца зовут Стейнар Ульсен. Он горный инженер в «Стуре Ношке». Пропала его дочь Элла. Вы бывали у них дома несколько раз после Рождества. Семейные скандалы, помните?

Судя по всему, жители Лонгиера никак не связывали понятия «неразглашение» и «защита частной жизни» с деятельностью администрации губернатора. Заведующая садиком, как и большинство местных, считала, что сотрудники администрации в курсе деталей всех дел в полицейском участке. Впрочем, Кнут и правда навещал Стейнара Ульсена по долгу службы. Но не из-за скандалов.

Она продолжала.

¹ На Шпицбергене полицейское управление входит в администрацию губернатора.

– К сожалению, ваш визит не помог. Только вчера он так напился, что сломал мебель и свалился с лестницы. Но об этом не стали заявлять. В прошлые разы полицию вызывали соседи, но Туна слишком лояльно относится к мужу. А еще ей, наверное, стыдно. Мы пытались втолковать ей, что все эти семейные ссоры вредят дочери. Вчера она потребовала развода, и все закончилось рукоприкладством и угрозами. Поэтому она убеждена, что Стейнар тайком забрал Эллу из садика. Чтобы ее припугнуть.

– Другими словами, Туна Ульсен просит полицию сопровождать ее домой? Чтобы уладить ситуацию с отцом?

– Да, именно, – откликнулась заведующая с заметным облегчением в голосе. – И вы вполне можете поговорить с ним жестко.

– В наши обязанности не входит угрожать людям, – ответил Кнут. – Но я бы, наверное, мог объяснить ему, какие последствия будет иметь обвинение в похищении.

Он надеялся, что заведующая не услышала, как он вздохнул, когда клал трубку.

Несмотря на холод, обе женщины стояли на крыльце детского сада, когда Кнут въехал на автомобиле губернаторской службы на пешеходную дорожку. Строго говоря, это было против правил, и Кнут кинул быстрый взгляд в сторону офиса «Свальбардпостен». Все знали, что редактор местной газетенки нередко стоял за шторами у окна, обращенного к площади, и высматривал, о чем бы написать саркастичную заметку. Но в окне было темно.

Кнут вышел из машины. Сразу стало понятно, кто из двух женщин – мать пропавшего ребенка. Ее глаза под меховой оторочкой капюшона покраснели от слез.

– Никаких новостей?

– Нет, ничего, – ответила та, что была повыше, заведующая. Кнут не мог вспомнить, что бы видел ее раньше, но понимал, что иначе и быть не могло. Лонгиер – городок маленький, меньше двух тысяч жителей.

Она протянула ему руку с еле заметной улыбкой.

– Ингрид Эриксен. Мы не знакомы, но я, конечно, знаю, кто вы.

Кнут открыл двери авто, и заведующая запрыгнула в кресло рядом с водителем. Она казалась настроенной более оптимистично, чем по телефону. А Туна Ульсен сжалась на заднем сиденье, едва отвечая на вопросы Кнута.

– Когда вы видели Эллу в последний раз? Вы помните?

Она всхлипнула.

– Около двух, когда дети вернулись с прогулки.

– Вы говорили с ней? Она сказала что-нибудь о том, что отец хочет ее забрать?

– Не-ет, мы просто обнялись. У нее были ледяные щеки и шапочка вся в снегу. Я спросила ее, где она так извозилась, но она не ответила, сразу убежала в игровую старшей группы.

В разговор встряла заведующая:

– Она зашла в помещение очень поздно, на десять минут позже остальных, самой последней. Я искала ее даже с внешней стороны садика. Это странно, но...

Она искоса взглянула на перепуганное лицо Туны и решила пока не рассказывать полицейскому о загадочных кратковременных исчезновениях некоторых детей, происходивших в последние недели.

Кнут снова призрел правила и поехал вниз по пешеходной дорожке, вырвав у свежестроенного отеля «Полар». Вдоль обочин им несколько раз попадались туристы, одетые в толстые зимние комбинезоны или пуховики. Но приезжие не отваживались заходить далеко, и по пути в Бломюру, где жило семейство Ульсен, прохожих им больше не встретилось. Несмотря на то что стояла полярная ночь и солнце не поднималось над горизонтом, было довольно светло – над ледниками повисло сонное голубоватое свечение. Машина ехала с включенным ближним

светом, и сугробы на обочинах отбрасывали на снег резкие черные тени. На деле в свете фар было видно даже хуже, чем без них.

– Вы ведь не думаете, что кто-то... – Ингрид Эриксен еле слышно обратилась к Кнуту, голос ее почти тонул в шуме мотора. – Это же невысказано, чтобы люди с подобной ориентацией приезжали к нам в Лонгиер без ведома властей?

Кнут покачал головой.

– Администрация не собирает досье на всех, прибывающих на Шпицберген. Вы что, и правда в это верите?

– Да чего только не прочтешь в газетах – и начинаешь переживать. Но они, небось, многое присочиняют. К тому же такие вещи происходят в основном на материке, не у нас.

Заведующая поспешно оглянулась. Но Туна не следила за их беседой. Она сидела, нахмутив брови, погруженная в собственные мысли.

Кнут ехал вдоль длинного ряда небольших коттеджей по улице 230, где обитал Стейнар Ульсен с семьей. Их дом был крайним справа.

– Его машины нет, – воскликнула Туна Ульсен, оглядывая окрестности через опущенное боковое стекло.

Рядом с сарайчиком, торчавшим между коттеджами, располагалась небольшая площадка для парковки машин. Кнут обернулся и увидел снегоход, но машины не было.

– Он обычно здесь паркуется? Гаража у вас нет?

Туна покачала головой и подняла глаза на окна второго этажа.

– И в гостиной темно.

Заведующая с тревогой посмотрела на Кнута.

– Он не подошел к телефону, ни к домашнему, ни к мобильному. Кто знает, в каком он состоянии.

Не успел Кнут что-либо ответить, как Туна Ульсен выскочила из машины и бросилась к крыльцу. Входная дверь оказалась не заперта, и Туна исчезла внутри.

Они остались стоять у машины, пытаясь услышать голоса и прочие признаки жизни из-за двери. Но из дома не доносилось ни звука.

– Наверное, надо войти.

Кнут в два прыжка взлетел вверх по ступенькам и дальше, на второй этаж.

Туна Ульсен вбежала в гостиную не разуваясь. Снег с ее сапог таял, образуя на полу крохотные лужицы. Она посмотрела за диваном, вернулась на кухню, сбегала вниз по лестнице и распахнула двери в спальню. Обе они были пусты. На кроватях валялась одежда и прочие мелочи: расческа, махровое полотенце. Все как с утра, когда они с дочерью второпях собирались в детский сад. Заведующая осталась на втором этаже, а Кнут ходил за Туной, пытаясь уследить за ее паническими поисками. В конце концов и ей пришлось признать, что дома никого не было. Она медленно поднялась по лестнице и замерла посреди гостиной.

– Вы говорили с ним утром?

– Нет, но я и без того знала, что он собирался ехать в Седьмую шахту. У них там проблемы с добычей.

– Он не сказал ничего необычного, прежде чем уехал?

– Нет. Мы с Эллой ушли до того, как он проснулся. Он проспал. А я не стала его будить.

Туна Ульсен сердито отвела взгляд.

– Но вы заметили какие-либо приметы того, что он заезжал домой с Эллой после того, как, возможно, забрал ее из садика?

– Нет, но... я не особо обращала внимание на то, как тут все было, когда мы уходили. Мы же тут живем, сами понимаете. Вещи те же, что и всегда. Ее одежда... Нет, не знаю даже.

И все же в маленькой детской что-то было не совсем так, как раньше. Но Туна не могла вспомнить, что именно. Из ее груди вырвался отчаянный всхлип. Она была совершенно уве-

рена, что Элла вместе с отцом, что они дома. Единственное, чего она боялась, это что он снова пьян и вчерашний скандал продолжится.

Она повернулась и пошла на кухню, где у стола стояла заведующая.

– Они могли заехать домой. – Туна опустила на стул. – Кажется, с утра здесь этого не было. Во всяком случае, кто-то ел бутерброды после того, как мы ушли.

Кнут осмотрел кухню. На столе он увидел упаковки с колбасой и паштетом, недоеденный бутерброд и стакан с остатками молока.

– Вы уверены, что этого не было, когда вы уходили из дому?

Туна Ульсен сидела, закрыв лицо руками.

– Да, по-моему... к тому же Стейнар не пьет молоко. – Она тихонько простонала. – Что он наделал? Куда он ее увез? О, если я ее снова увижу, я никогда больше не буду его пилить. Но что об этом говорить, когда они не дома? Что нам делать? Мы можем передать сообщение по радио?

Ингрид Эриксен подошла и положила руку на ее плечо.

– В этом нет твоей вины, Туна. Выбрось это из головы!

– Возможно, вам следует написать заявление в полицию, – предложил Кнут. – Но сначала мы должны поискать там, куда ваш муж мог ее увезти. Они могут быть в кафе «Горняк» или в «Кабачке»? Или заехать к кому-то из друзей?

Все возможные мрачные мысли были отброшены, задвинуты подальше. Лучше всего говорить спокойно, чтобы не доводить до истерики мать. Кнут повернулся к заведующей.

– Вы не могли бы нам немного помочь? Позвонить в кафе и спросить, не заходил ли к ним Стейнар Ульсен с дочерью. А мы с Туной пока составим список друзей.

Анна Лиза Исаксен, с нового года исполняющая обязанности губернатора, как раз закончила ужинать, когда позвонил Кнут. Она растянулась на диване с чашкой кофе в пределах досягаемости на низком невзрачном столике из желтой сосны. Слишком многие квартиры в Лонгиере были обставлены подобной мебелью. Разумеется, никто не запрещал купить на материке другую, более современную, и переправить на остров за свой счет. Но это обошлось бы почти вдвое дороже, и большинство из тех, кто приезжал на Шпицберген, оставляли все как есть. Сосновая мебель была в целом ничего, долговечная и практичная. К тому же никто не переезжал сюда навсегда. Контракты, как правило, заключались на два – четыре года.

Она задумчиво перелистывала журнал, одновременно прислушиваясь к голосу в трубке. Постепенно до нее дошла вся серьезность происходящего.

– Из детского сада пропал ребенок? – недоверчиво переспросила она. – Господи боже мой, но ведь на улице такая холодрыга. А что если она заблудилась? Или провалилась в сугроб и не может выбраться?

Кнут попытался растолковать ей про семейную ссору накануне и убежденность Туны Ульсен в том, что девочку забрал отец. Но губернатор перебила его:

– Разве мы можем рисковать и зря терять время? Что если малышка в самом деле пропала и вы только по чистой случайности не можете найти отца? – Она поднялась с дивана и встала посреди комнаты. – Даю тебе час. Если за это время девочка не найдется, нужно бить тревогу.

Стейнара Ульсена и Эллы не было ни в одном из городских кафе. На всякий случай заведующая обзвонила также отели и пабы. Но никто не видел отца и дочь. Потом она догадалась позвонить и рассказать о случившемся двум другим сотрудникам садика. Они разделили между собой всех родителей и принялись их обзванивать, окрыленные новой надеждой. Кажется, следующий звонок разом покончит с этой неправдоподобной ситуацией. Ингрид Эриксен уже отчетливо представляла, как скажет кому-то: «Спасибо большое, какое облегчение! Нет, мы немного испугались, сами понимаете. Ведь никто не сказал Туне, что Элла пойдет с вами.

Так что это всего лишь недоразумение. Спасибо!» Но подобного разговора не случилось. На другом конце провода они слышали лишь растерянность, любопытство и озабоченность. Элла не ушла домой ни с кем из детей.

Кнут начал терять терпение. Ясное дело, девочка скоро найдется. На Шпицбергене не пропадают без вести. Зимой архипелаг был практически изолирован от внешнего мира, не считая ежедневного авиасообщения с материком. Они имели полную информацию обо всех, кто живет в Лонгиере, кто прибыл погостить и кто уехал. Но тут ему в голову пришла еще одна мысль. Они уже говорили об этом в администрации – всего несколько месяцев назад. И тогда дело закончилось трупом.

Глава 3. Тени

*На шахтах Шпицбергена черных,
Где не было солнца вовек,
Окутала тьма обреченных
Влачить в вечном мраке свой век.*

Среда 3 января 08.20

Рано утром Стейнар Ульсен явился в отдел кадров. Он нервничал, осознавая, что эту возможность никак нельзя упускать. Его ждал первый рабочий день в качестве горного инженера компании «Стуре Ношке».

– У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление, сами понимаете, – доброжелательным тоном сказал кадровик, не ведая, как перепугал этим новоиспеченного горного инженера. Хотя откуда им в «Стуре Ношке» знать о том, как нехорошо все закончилось на его прежнем рабочем месте в Тромсё. Об этом он, разумеется, не особо распространялся на собеседовании, да и в Тромсё вряд ли кто-либо стал болтать.

Парень в отделе кадров в большом синем здании на пристани просто хотел проявить любезность. Он должен был провести Стейнару Ульсену экскурсию по Седьмой шахте, а приступить к своим обязанностям горному инженеру предстояло днем позже. Но в последнюю минуту кадровику позвонили, и Стейнару пришлось одалживать машину и ехать на шахту самому. Ему надо в надземное здание, проинструктировал кадровик. Найти все будет несложно. Из города туда ведет только одна дорога. Она так и называется «Дорога на Седьмую шахту». Стейнару просто нужно было ехать навстречу грузовикам с углем, пока он не увидит огромные ворота шахты. Заблудиться практически невозможно.

Дорога поднималась в гору крутым серпантинном и вилась над городом по краю обледенелой отвесной скалы. Один неосторожный поворот руля – и машина полетит вниз на самое дно долины. Невысокое алюминиевое ограждение кое-где несло на себе следы сорвавшихся в пропасть авто. Лед под колесами припорошило снегом. Стейнар тащился со скоростью не больше тридцати, почти останавливаясь при встрече с огромными грузовиками. Он свернул не туда на единственной развилке и весь вспотел, разворачиваясь на крохотном пятакке.

Надземная часть Седьмой шахты прижималась к горе. Стейнар припарковался у каких-то барачков и побежал к входу, поскальзываясь на смеси льда и угольной пыли. Въезды в шахту были гигантские, по высоте вдвое больше обычного дома. Двери поменьше вели в огромный внутренний холл. Здание было, по сути, ангаром для джипов с рабочими, которые въезжали в гору и выезжали наружу. Уголь поднимался на поверхность по конвейерной ленте в другом месте. Этот вход предназначался только для людей и оборудования.

Вдоль одной из стен ангара высилось несколько многоэтажных барачков. На верхнем этаже в окне стоял человек в больших наушниках и следил за происходящим внизу. Увидев Стейнара, который двинулся было нерешительно в сторону барачков, он сделал ему знак идти в обратную сторону.

Новый горный инженер опоздал. Когда он в спешке вбежал в раздевалку, дневная смена уже шла к джипам. В дверях он столкнулся с группой мужчин, одетых в шахтерские робы, с безразличными лицами и внимательными глазами. Они прошли мимо, не удостоив его взглядом. Старший смены поспешил за остальными, но бросил на ходу:

– Ларс Уве и Кристиан отвезут тебя в забой на шахтном джипе. Они все тебе здесь покажут и ответят на все вопросы.

Он вышел, но голос по-прежнему слышался сквозь приоткрытую дверь:

– Кристиан, пусть он переоденется. Каску пусть возьмет белую, не синюю. И без глупостей. Вы знаете, о чем я.

И, вспомнив в последнюю минуту, бросил в сторону нового инженера:

– Добро пожаловать. Надеюсь, вам у нас понравится. Конечно, будет... – остаток фразы потонул в гуле заведенного двигателя.

Стейнар осмотрелся. Раздевалка представляла собой грязную комнату, уставленную выдавшими виды металлическими шкафчиками. Под залапанными зеркалами стояли ящики с касками и сапогами. Вдоль одной из стен висел ряд раковин. Еще один шкафчик, шире и ниже остальных, содержал согласно наклеенной бумажке «Самоспасатели, респираторы, аккумуляторы для фонарей на касках».

На низкой деревянной скамье посреди раздевалки сидели двое. Это им предстояло показать новенькому шахту и ознакомить его с техникой безопасности, а также с негласными правилами. «Пусть он почувствует, что ему здесь рады», – как высокопарно выразился горный мастер. Но у этой парочки были другие планы. Они неторопливо докуривали, стряхивая пепел в стоявшую между ними жестянку, полную окурков.

– Привет, – сказал им новый горный инженер, стоя в проеме двери.

Шахтеры поднялись и не спеша двинулись к нему. Появление нового инженера не должно было сильно повлиять на их работу. Когда горный мастер спросил, не против ли они показать новичку шахту, они не выказали особого энтузиазма.

– Почему мы? Может, лучше кто-нибудь из конторских или управляющий, или... – ворчливо пробурчал Ларс Уве. Горный мастер терпеливо объяснил, едва сдерживая раздражение, что, как они и сами наверняка прекрасно знали, в глубине забоя возникли трудности с транспортной лентой, так что и управляющий, и сам мастер до обеда будут там.

– Ну ладно, мне пофиг, – ответил Кристиан в своей обычной манере.

Просто из озорства, а эти старые горняки любили временами проделывать подобные шутки с новичками, они убрали заграждение перед въездом в давным-давно закрытый участок шахты. Его законсервировали много лет назад, но что-то все же тянуло туда людей – что-то древнее, грозное и пугающее во тьме низких неукрепленных тоннелей. «Экскурсоводы» планировали заехать туда на джипе и посмотреть, поймет ли новый горный инженер, что современная шахта так выглядеть не может. Насколько им было известно, до приезда на Шпицберген он работал в Тромсё: там что-то случилось в тоннеле, соединяющем разные концы острова.

Поначалу они вели себя на удивление вежливо. Представились, сказали новоприбывшему инженеру «добро пожаловать» и выдали ему комбинезон, резиновые сапоги и каску с фонариком. Прикрепили аккумулятор к ремню на поясе и снабдили его респиратором, кислородным баллоном и самоспасателем. Но стоило ему расслабиться, как они принялись запугивать его серьезными немногословными инструкциями касательно всего, чего ему стоило остерегаться. Они переглядывались, качали головами, как будто боялись сболтнуть лишнего. Наконец они рассказали ему о джипе с кузовом, в котором ему придется ложиться на спину, чтобы не задеть головой оборудование, провода и камни, торчащие из креплений свода. Но новенький и так уже наверняка в курсе? В ответ он просто пожал плечами. Чего тут бояться, ерунда.

Примерно десять минут они ехали нормально, сидя, по широкому главному тоннелю в глубь горы. Это была главная артерия всей шахты: высокий тоннель с бревенчатыми опорами вдоль стен и хорошим освещением. Но вот они приблизились к забою номер двенадцать. Здесь за некрутым поворотом можно было увидеть вход в заброшенную шахту. Старый, невероятно низкий штрек зиял черной пастью. Начальники догадывались, что старую шахту иногда использовали для всяких-разных дел, и со стороны руководства шахты было строжайше

запрещено въезжать в этот штрек. Но за все то время, что они проработали в шахте – Кристиан шесть лет, а Ларс Уве целых девять, – они ни разу не слышали, чтобы там кого-то завалило.

Джип, низкий, с большим широким кузовом, свернул в узкий тоннель и медленно затрясся по ухабам. Над входом в выработку болталась одинокая лампа, и на этом освещение заканчивалось. Только фары высвечивали путь между черных стен, полных зарубок и неровностей, оставшихся после угледобычи. Новый инженер нервно улыбнулся шахтерам и улегся на дно джипа, оперев голову на подголовник.

Кристиан схватил его за плечо и закричал сквозь рев мотора:

– Скоро ты поймешь, почему мы боремся за повышение зарплаты. Хуже работы в Норвегии не найти. В этом меня никто не переубедит. А начальство сидит спокойненько в своих кабинетах и наваривает на нас вдвое больше.

Новоприбывший не слышал ни о каких забастовках на предприятии, но все же кивнул. После почти года в качестве безработного он радовался полученной работе. И всем причитавшимся надбавкам. Но сейчас ему было не до того. Они углублялись в тоннель, который становился все ниже и уже. Вскоре бока джипа уже скрежетали об стены выработки, машина, вихляя, медленно продвигалась вперед. С потолка на них сыпались кусочки угля. В свете налобных фонарей клубилась угольная пыль. Новый инженер закашлялся и кое-как вытащил респиратор, призванный защитить легкие от пыли.

Ларс Уве лежал, откинувшись в водительском кресле, и вел джип туда, где старый штрек разветвлялся на несколько рукавов. Света едва хватило, чтобы не врезаться в покосившийся дощатый сарайчик. Машина проехала еще немного, затормозила, но двигатель остался работать. Он тихо урчал и подрагивал, как зверь. Кристиан и Ларс Уве сползли с сидений и встали на колени, пригнув головы под низким потолком.

Шахтеры замахали новичку. Парень выглядел уже достаточно перепуганным. Надо бы ему рассказать, что они над ним подшутили. Но новый инженер их опередил.

– Я что-то не вижу никаких следов добычи. Где оборудование, транспорт и тому подобное?

Он сощурился в свете фар. И резко пригнулся, услышав, как где-то в тоннеле с потолка упал камень. Он не хотел прямо говорить им, что они заехали куда-то не туда. Но надеялся, что сейчас они повернут и поедут обратно как можно скорее.

Кристиан мотнул головой, так что луч фонаря упал на несколько метров дальше в глубь штолка. И осветил кучу осыпавшихся камней, которая почти завалила тоннель.

– Нет, ты прав, – сказал он. – Но мы хотели показать тебе место, где погиб один из наших товарищей. Место, про которое мы вспоминаем каждый день, когда спускаемся в забой.

Ларс Уве удивленно обернулся. Что это Кристиан там плетет? В Седьмой шахте много лет не было никаких происшествий, с начала восьмидесятых, когда Пер Лейквик попал под обвал. Но он выжил, хотя, надо признать, так до конца и не оклемался. Говорят, он больше никогда не спускался в шахту и стал разнорабочим на поверхности.

– И это может случиться вновь, – продолжал Кристиан. – Тот, кто недооценивает старую шахту, вскоре ощутит на себе ее месть.

– Да хватит уже, Кристиан. Поехали обратно. – Ларсу Уве казалось, что шутка затянулась. Новый инженер растерянно смотрел на шахтеров. До него начало доходить, что его разыграли. Но он не хотел показать, что повелся.

Внезапно погас фонарь на каске Ларса Уве.

– Черт, – выругался он. – Довольно уже. Надо отвезти его в забой, иначе, сам знаешь, у мастера будет, что нам предъявить.

Но его товарищ стоял и светил в зияющую тьму тоннеля.

– Слышишь скрежет? Это гора предостерегает нас. Гора живая.

Он обернулся и осветил бледное лицо новенького. Какое-то время они стояли молча, все трое. Только мотор гудел тихонько в нескольких метрах от них. Но они отчетливо слышали и другие звуки: плеск воды, сочившейся по стенам и капавшей на пол, треск, резкий шум падающих камней.

– Кое-кто верит, что в горе есть естественные разломы, некоторые настолько широкие, что сквозь них может пройти человек. Никто не знает, куда они ведут. Но говорят, что там видели тени. И слышали голоса.

Снова повисло молчание.

– Вот как-то так.

Кристиану тоже наконец-то надоело ломать комедию. Пора уже было выбираться из старой выработки, пока он сам не начал верить в свои басни.

Стейнар стоял ближе всех к джипу. Он повернулся, и в ту же минуту свет от его фонаря упал на тоннель, откуда они приехали. Стейнар испуганно вскрикнул и замахал рукой в направлении стены:

– Что? Что это?

Кристиан схватил его за руку, но Ларс Уве уже протиснулся вперед. Он подбежал к джипу и вспрыгнул за руль. Остальные едва успели заскочить в кузов и лечь на дно, как он уже выжимал заднюю скорость.

– Берегись! – это Стейнар заметил опасность. Но было уже поздно. Ларс Уве с грохотом врезался в стену тоннеля. Задний конец кузова вклинился под скальный уступ и застрял. Но ненадолго. Джип вырвался из западни, ревя мотором и скрежеща боками о камни. В тот же миг кусок стены обрушился им в кузов. Кристиан, лежавший с краю, не пострадал, но инженер серьезно поранил лоб острым осколком камня.

Неприятности продолжали преследовать их и по возвращении. Они в спешке влетели в надземное здание как раз тогда, когда там стоял горный мастер. Последний, разумеется, бросился к ним, чтобы узнать, что, черт возьми, тут творится. У него глаза на лоб полезли, когда он увидел груды камней в изрядно помятом кузове и нового инженера с залитым кровью лицом.

– Что случилось?

Мастер понял, что наконец-то поймал двух старых пройдох на горячем.

– Мы обсудим это позже. Эй, раненый! Вы же новый горный инженер, верно? Первый рабочий день? Да уж, красота. Вам срочно нужно к врачу. Я отвезу. Машина стоит у конторы.

Он повернулся и пошел к выходу, не дожидаясь ответа. Стейнар сорвал с себя каску и ремень со снаряжением и сунул все Кристиану, который быстро прошептал:

– Не вздумай, мать его, ничего рассказывать. Иначе...

Стейнар не стал слушать окончание фразы, заковыляв так быстро, как мог, вслед за мастером на улицу, в мерзло-серый снежный январский день. Только сейчас он почувствовал, что поранил еще и ногу.

Лонгиер по прошествии лет сделался скорее городом туристов и ученых, чем шахтеров. Но он оставался шахтерским поселением – со страхами, прочно засевшими в коллективном бессознательном. Прошли многие годы с последней трагедии в забое. Никто из старожилов не был свидетелем и не мог помнить ужасные взрывы, сотрясавшие гору в сороковых и пятидесятых. Когда дрожала земля и из входов в шахту вырывался дым. Когда горькая весть неслась из дома в дом и тьма, та, что гуще полярной ночи, опускалась на город. Когда слишком многие семьи потеряли родных. И все же страх еще жил в тени причудливых скальных пород. Страх и суеверия.

В полуразвалившемся доме в Свердрупбюене люди слышали протяжный вой и крики. Кто-то слышал, будто позвякивала упряжь, фырчала и топтала замерзшую землю лошадь. Такие ходили рассказы. Конечно, некоторые сознательно сочиняли самые невероятные исто-

рии, чтобы подогреть интерес туристов. Но вовсе не приведения в заброшенных жилищах питали людские страхи в течение долгой полярной ночи. То были поблекшие, раз за разом пересказываемые истории о внезапных смертях, замалчиваемых самоубийствах в одиноких хижинах и людях, которым каким-то чудом удавалось вырваться из когтей белых медведей и искалеченными, но живыми вернуться домой.

А еще все то, что видели и слышали в забое шахтеры. Но, может, все это было лишь тенью их собственных страхов? Перед обвалом, запахом угольной пыли и внезапным грохотом взрыва в темных тесных подземных тоннелях. Об этом редко говорили за пределами шахты. Все свои мысли шахтеры оставляли при себе.

Но история была неумолима. В январе 1952 года во Второй шахте случился взрыв газа, тогда шестеро простились с жизнью. Шестеро горняков, которые утром как обычно проснулись, окинули взглядом арктический пейзаж за окном и сели в машины, погруженные в собственные мысли. Шестеро мужчин в робах, касках и привычном снаряжении, проверенном и прикрепленном к поясу. С мечтами и мыслями, которые они держали при себе. Несколькими часами позже их вынесли из шахты на носилках. Обожженных, раздавленных, разбитых, истекающих кровью. Мертвых.

В январе 1920 года произошло возгорание угольной пыли в шахте 1А. Двадцать шесть человек погибли, и шахту закрыли.

Ранним утром в ноябре 1962 года прогремел взрыв в Нью-Олесунне. Сначала взорвался газ, затем воспламенилась угольная пыль. Десять человек вынесли из шахты Эстергрува номер четыре. Еще одиннадцать остались во тьме. Они все еще лежат там, в замурованных тоннелях.

Между шахтами компании «Кингз Бей» и угледобычей в Лонгиере шла ожесточенная борьба: в политическом пасьянсе, разыгрываемом на Большой земле, место было только для одного. Однако все жители Лонгиера сочувствовали зимовщикам Нью-Олесунна, их борьбе за право остаться там, где они нашли свой дом. Их мужеству. Упорству. Но все оказалось напрасно. Трагедия на шахте «Кингз Бей» в 1962-м сильно впечатлила начальников на Большой земле, разбудила чувство вины, которое не отпускало. И годом позже шахты в Нью-Олесунне были закрыты.

Со временем шахты Лонгиера стали безопаснее. Крупным взрывам пришел конец. Оборудование стало надежнее, правила строже. Но профессия шахтера от этого не стала менее рискованной. Для этого гора была слишком непредсказуемой. Люди продолжали умирать в кромешной тьме горных тоннелей. И страх висел над домами полярного городка, отбрасывая тени на повседневную жизнь его обитателей.

Горный мастер отвез Стейнара прямо в больницу, проводил его на второй этаж на сестринский пост и сразу же ушел. По всей видимости, он не считал травму Стейнара серьезной. Он пробормотал что-то о делах в конторе и обещал вернуться, как только врач закончит. После короткого первичного осмотра, который заключался во внимательном взгляде дежурной сестры Берит, инженер уселся на потертый диван в приемной и стал ждать.

В помещении сидели еще двое. Женщины, обе не первой свежести. Они искоса посмотрели на Стейнара и продолжили вполголоса свою беседу. Но Стейнару неинтересно было их слушать. Он сидел и смотрел перед собой, пока сестра Берит не появилась в дверях и не позвала его. Женщины проводили его взглядом.

Во время осмотра доктор завел вежливый разговор:

– Стейнар Ульсен? Вы же недавно приехали, да? На прошлой неделе, сказал мастер Люнд. И семью с собой привезли? Да, правильно сделали. Ведь теперь Лонгиер стал похож на обычный город, как любой другой на Большой земле. В Финнмарке и то есть места посуворее в плане климата. Как жена ваша, нравится ей здесь?

– Угу.

– Ну и ладненько. Сейчас начало светлеть. Самое подходящее время для переезда сюда. Все тихо-мирно. Туристы не торопятся приезжать к нам посреди зимы. А весной сами увидите. Тогда их кишмя кишит. Нескончаемая суета. Одни и те же вопросы о том, как нам здесь живется, где можно встретить белых медведей и арендовать снегоход. И как пройти в винный магазин. Сам я приехал прошлой весной. Вы не на шахте «Свеа» будете работать? Здесь, на Седьмой?

Стейнар не мог кивнуть, потому что доктор быстро промыл рану на лбу и уже уверенными движениями накладывал швы.

– Сейчас будет больно, потерпите, – сказал он, как будто Стейнар был каким-то хлюпиком, который приперся к нему с мелкой царапиной. – Вы что, сняли каску?

– Нет, – холодно ответил Стейнар.

– Ну, нет так нет. – Доктор закончил и сделал шаг назад, словно хотел полюбоваться на свою работу. – Садитесь сюда, я посмотрю вашу ногу.

Горный мастер позвонил из конторы управляющего в офисе компании и предупредил, что немного задержится. Стейнар мог пока пойти в кафе «Горняк» напротив больницы и выпить кофе. А мастер заехал бы за ним позже. Стейнар понял, что экскурсию по шахте не стали переносить на другой день. И знал, что мастер обязательно спросит его о том, что случилось утром.

Горный мастер сам показал ему шахту. И она разительно отличалась от того штрека, в котором Стейнар оказался в начале дня. Широкие освещенные тоннели, оснащенные табличками с указанием глубины относительно поверхности. Опоры вдоль стен и обшитый потолок, достаточно высокий, чтобы не приходилось ложиться в кузов.

Они въехали на джипе в забой, где гигантская буровая установка, похожая на слепое доисторическое животное, вгрызалась в угольный пласт. Казалось, ее большие вращающиеся жернова взрезали не уголь, а мягкую шпатлевку. Но было видно, что что-то шло не по плану. Бур остановили, когда оператор понял, что горный мастер вернулся. Вокруг них собралась толпа шахтеров, уставших после смены, в грязных спецовках и с черными кругами угольной пыли вокруг глаз.

– Мы уже близко. Будем продолжать или бросаем?

Горный мастер повернулся к Стейнару.

– У нас тут как раз новый горный инженер. Может, послушаем, что он на это скажет?

И ухмыльнулся, явно не ожидая никакого ответа. Но Стейнар стремился произвести хорошее впечатление:

– А что вас смущает? Что-то не так?

Один из шахтеров подошел ближе, снял перчатку и протянул руку.

– Доброго дня. Я старший этой смены. Понимаете, на геологической карте обнаружилось несколько пустот внутри этого забоя. И мы приблизились к одной из них. А теперь думаем, не стоит ли остановиться. Копать дальше рискованно. Может случиться обвал. К тому же мы не знаем, есть ли в пустотах газ.

– Но, с другой стороны, – прервал его горный мастер, – пласт высокий и качественный. Жалко оставлять так много угля. Кроме того, всем известно, что естественные разломы такого размера – редкость. Скорее всего, геологи ошиблись.

Новый горный инженер переводил взгляд с одного на другого, пытаясь вникнуть, о чем они говорят. Но единственное, что он понял, – это что существует угроза обвала. И ему не хотелось второй раз за день попасть под град камней. Он напустил на себя уверенный вид и сказал:

– Не знаю. Я бы хотел увидеть расчеты, прежде чем составить собственное мнение.

Такой ответ, очевидно, пришелся горнякам по вкусу. Они согласно закивали. В раздевалку Стейнар вернулся, уже ощущая себя частью коллектива. Переодеваясь, он оживленно болтал с начальником смены.

– А чего это ты завопил как сумасшедший в тоннеле с утра? – раздался вдруг голос с другого конца комнаты. Стейнар обернулся и увидел Ларса Уве. – А то мы чуть в штаны не наложили.

В раздевалке воцарилась тишина. Парни, которые всего мгновение назад свободно переговаривались вокруг, как будто он был одним из них, отступили немного в сторону и замолкли.

– Что ты там такое увидел? Это же из-за тебя я врезался в стену, – рядом с Ларсом Уве нарисовался Кристиан.

Стейнар ответил, не таясь:

– Я видел, как кто-то полз в глубь тоннеля. И я окликнул его, потому что это опасно. Ходить туда в одиночку.

В комнате по-прежнему было тихо.

– Шесто-о-ой, – наконец негромко произнес кто-то.

– Да не было там, мать вашу, никакого шестого, – Кристиан сплюнул в раковину и ткнул Ларса Уве в спину, хотя это и не он поднял тему.

Шахтеры вышли, больше не проронив ни слова, и уселись в помятый старый автобус, который приехал, чтобы отвезти их в Лонгиер. Выходя, Кристиан остановился возле нового инженера.

– Совсем свихнулся? – вполголоса прошипел он. – Веришь в привидений? Мало кто так лагает в первый же рабочий день. Но ты хоть не стукач, надо признать. Мы знаем, что ты ни словом не обмолвился мастеру о том, что мы были в старой шахте. И мы этого не забудем, я и Ларс Уве. – Он подмигнул Стейнару. – Может статься, мы поделимся с тобой кое-чем полезным. Возьмем тебя с собой на дельце, где можно подзаработать денег.

Глава 4. Поиски

Четверг 22 февраля 17.15

Кнут взглянул на наручные часы. Было уже четверть шестого. Прошло больше часа с тех пор как Элла пропала, если брать за отправную точку время, когда мать принялась ее искать. Но в реальности она могла отсутствовать и дольше. Оказалось на удивление трудно точно установить момент, когда сотрудники детского сада видели ее в последний раз.

– Она же каждый божий день в садике, – сказала Ингрид Эриксен извиняющимся тоном. – Не так уж просто вспомнить, когда она после обеда последний раз попадалась на глаза.

Они по-прежнему сидели на кухне в доме Ульсенов в Бломюре. Мать Эллы, напуганная и несчастная, только отчасти следила за тщательной реконструкцией рабочего дня. Она обхватила себя руками, как будто пытаясь согреться, и качалась из стороны в сторону на стуле, повторяя в разной последовательности:

– Когда мы пойдем ее искать? Это безумие, забирать ребенка, ни слова мне не сказав. Нужно найти Стейнара. Когда мы уже пойдем их искать? Что если...

Медленно и осторожно, с помощью заведующей Кнут собирал, как пазл, разрозненные события в единую картину.

– Насколько я понял, Элла также ненадолго пропадала в первой половине дня? И вы говорите, такое случалось и раньше, с другими детьми?

Туна Ульсен растерянно уставилась на Ингрид Эриксен.

– Элла исчезала из садика? Мне про это никто не говорил. И когда?

Взгляд ее оживился, в нем появилось что-то, похожее на надежду. Но почему ей показалось обнадеживающим то, что дочь пропадала несколько раз?

Ингрид Эриксен в смущении перевела глаза на красочный календарь с рецептами греческой кухни, висевший над холодильником.

– Она исчезала ненадолго. Где-то минут на пятнадцать, около того. Но мы ума не приложим, куда деваются дети. Случается, особенно когда мы уводим их с прогулки, что кто-то прячется. Вот только неясно, где.

– Зимой с детьми так много хлопот. Их нужно раздеть, кто-то просится в туалет, в раздевалке образуются горы из одежды и обуви. Только разведя их по игровым комнатам, мы наконец можем понять, все ли на месте.

Плечи Туны Ульсен снова опустились. Она явно надеялась на что-то другое.

– Около половины третьего Элла уже была в помещении. Так что все, что случилось до того, наверное, не так важно? Когда мы пойдем искать Стейнара? Это его рук дело. Но он любит Эллу, а значит, с ним она в безопасности, в этом я уверена.

Она снова начала потихоньку раскачиваться на стуле.

Кнут взглянул на заведующую, но та в ответ почти незаметно покачала головой. Было что-то еще, о чем она не рассказала и о чем в данный момент не хотела говорить. Но с этим можно подождать до тех пор, пока они не останутся наедине. К тому же Кнут разделял мнение матери: скорее всего, Эллу забрал Стейнар Ульсен.

– Я думаю, вы правы, – он ободряюще улыбнулся. – Наверное, пора начинать поиски. Не забывайте, что у нас ушло не так много времени на то, чтобы исключить все места, где Эллы нет. Она не ушла домой ни с кем из друзей. Ни ее, ни отца не видели ни в одном из кафе и ресторанов города. Это выяснилось быстро. И это повышает наши шансы найти ее в ближайшее время. Есть еще идеи, где они могли бы быть?

Они снова сидели в ведомственной машине. Кнут медленно и дотошно прочесывал город, те немногие улицы, что делили городской центр на кварталы. Но ничего похожего на белый

«субару» Стейнара Ульсена на глаза не попадалось. Кнут снизил скорость, проезжая мимо мастерских и складов на прибрежной стороне дороги на Седьмую шахту.

– Не мог Стейнар отвезти ее к заводчикам собак в Адвентдалене? Вы знаете Берит и Карла из Центра дикой природы Шпицбергена? – он обернулся к Туне, которая сидела сзади и пристально всматривалась в окрестности по обе стороны дороги.

– Нет, мы же совсем недавно здесь, всего пару месяцев, как приехали. У нас еще не так много знакомых в городе. Но он, наверное, мог взять ее туда, чтобы показать собак? – она с воодушевлением хваталась за любое предложение Кнута.

Но у новенького туристического центра посреди равнины Адвентдалена белого «субару» также не было видно. Они все же вышли из машины и подошли к ограждению. Тишина казалась угрожающей, неестественной. Собаки беззвучно лежали в своих будках или свернувшись калачиком на снегу. Укрыв носы хвостами, они сквозь полуприкрытые глаза пристально наблюдали за фигурами у ограды. В большом бревенчатом чуме рядом с питомником было темно и тихо.

– Не похоже, что тут кто-то есть, – тихо промолвила Ингрид. Туна повернулась, не говоря ни слова, и зашагала обратно к машине. Она уселась на заднее сиденье и закрыла лицо руками.

Дорога в глубь Адвентдалена казалась рекой света во мраке полярной ночи. Иногда в свете фар у дороги возникали промерзшие темные строения. То были расселенные рабочие бараки и заброшенные научные станции. Наконец они добрались до Болтердалена, где дорога начинала карабкаться вверх, к Седьмой шахте. Кнут медлил в нерешительности, и Ингрид бросила на него быстрый взгляд. Но он все же продолжил путь по крутым изгибам серпантина, вившимся над пропастью. Разумеется, на въезде в шахту машину Стейнара они тоже не нашли. Кнут на это и не рассчитывал. Но теперь они по крайней мере знали наверняка.

Напоследок, прежде чем припарковать машину у дома Ульсенов, они исследовали каждый сантиметр прибрежного шоссе вплоть до самого аэропорта и вернулись по редко используемой дороге мимо старейшей электростанции Лонгиера. Элла могла быть где угодно: в тени сугробов, в заброшенных строениях и покосившихся от времени избушках. Кнуту пришло в голову, что он никогда раньше не видел всех этих домов. Только сейчас, высматривая места, где отец с дочерью могли бы укрыться, он понял, что Лонгиер представлял собой целый лабиринт укромных уголков.

И вот они вновь сидели в машине у дома в Бломюре.

– Ну, теперь мы знаем, где их нет, – произнес наконец Кнут с наигранным оптимизмом. – Осталось проверить, не зашли ли они к кому-нибудь из друзей или знакомых. Куда бы он мог пойти в гости с Эллой, как думаете?

Однако круг знакомств семьи Ульсен нельзя было назвать обширным. «Мы же приехали совсем недавно». Туна ждалась на заднем сиденье, вид у нее был измученный.

– У Стейнара есть пара приятелей на шахте. Иногда на выходных они выбирают вместе покататься на снегоходах. А так остаются только соседи, но мы знакомы не настолько хорошо, чтобы ходить друг к другу в гости. Я участвую в подготовке Праздника солнца и была на паре заседаний, но... – голос ее оборвался, и она обхватила голову руками.

Кнуту потребовалась всего пара телефонных звонков, чтобы выяснить имена приятелей Стейнара. Но один не брал трубку, а другой – Ларс Уве Беккен – понятия не имел, о чем говорит Кнут. Он уверял, что не видел Стейнара уже несколько недель. Глава комитета по подготовке к празднику, пожилая дама, жившая в Лонгиере с начала семидесятых, единственная из всех, кому звонил Кнут, приняла случившееся близко к сердцу.

– Стейнар забрал Эллу из садика, не сказав матери? Ох, ну и дела, – она задумчиво выдохнула. – Увы и ах, но они, конечно, не у меня. Боже, что же делать? Говорите, весь город уже обыскали?

Голос ее звучал так тревожно, что у Кнута кольнуло сердце. Он бросил быстрый взгляд на часы. Была уже половина седьмого.

Они зашли в дом. Что еще оставалось делать? Туна первой поднялась по лестнице и усе-лась в кресло в гостиной как была, в пуховике и сапогах. Будто ее дом ей больше не принад-лежал, будто она пришла в гости.

– Сможешь сварить нам кофе? – обратилась к ней заведующая самым будничным тоном. – А печенье у вас есть? Мы тут все голодные с обеда.

Туна подняла на нее удивленные глаза, но затем все же встала и вышла на кухню. Кнут повернулся к Ингрид.

– Так что касательно всех этих исчезновений? Вы говорили, что дети пропадают на несколько минут и потом сами возвращаются.

Она покачала головой.

– Честно говоря, мы не знаем, что и думать. Детский сад построен относительно недавно. Мебель внутри самая простая и практичная. Просто невозможно детям нигде там спрятаться. Двери запираются, и в сторону пешеходной дорожки, и на задний двор. Детская площадка огорожена высоким и частым дощатым забором. У края площадки стоит сарайчик. Но мы и в нем много раз искали – безрезультатно. Там они не прячутся, в этом мы уверены.

– Хорошо, а когда дети исчезают: будучи на улице или в помещении?

Ингрид вспыхнула.

– Вам может показаться, что мы плохо следим за детьми, – сказала она. – Но это не так. Мы немного теряем контроль, только когда они выходят на прогулку или возвращаются в садик. Не так-то просто уследить за ватагой в шестнадцать человек, которых надо еще развести по двум игровым. В общем, мы не уверены, но нам кажется, что это происходит, когда дети возвращаются с прогулки. Странно только, что нам не удается их отыскать. Просто нереально, что они могут прятаться где-то внутри. Мы там все обыскали. Снаружи, впрочем, тоже. Они как будто надевают шапку-невидимку.

– Но вы сказали, что сегодня видели на снегу следы, на дорожке за оградой садика?

– Да, и на секунду я испугалась, что Элли кто-то увел. Но и это вряд ли возможно. Сна-ружи дверь в садик можно открыть только ключом, а изнутри она запирается на защелку, до которой детям не дотянуться. К тому же через несколько минут Элла нашлась – как это было и с остальными.

Кнут ненадолго задумался.

– Когда вам сообщили, что Элла снова пропала, вы проверили еще раз сарайчик на пло-щадке?

– Нет, – ответила она, бледнея. – Нет, не проверила.

Кнут оставил машину на парковке неподалеку от детского сада. Похолодало. Снег падал такой редкий, что снежинки можно было заметить лишь по их мерцанию в свете фонарей. Контур следов, которые привлекли внимание заведующей, по-прежнему можно было разгля-деть вдоль сугроба с краю дорожки. Взрослые следы, судя по всему, шли с площади в сторону отеля «Полар». Но трудно было сказать, появлялись ли детские следы только у садика. И шли ли те, кто их оставил, мужчина и ребенок, по дорожке одновременно. Могло стать, что эти две цепочки следов появились там в разное время и наложились друг на дружку по чистой случайности.

Кнут прошел немного по дорожке. У крыльца детского сада было множество следов, маленьких и больших, оставленных родителями. У дальнего конца здания кто-то протащил санки по сугробу, завалив дорожку снегом. А за следами полозьев отпечатков ног, идущих в сторону площади, было уже так много, что не сосчитать.

Он повернулся и пошел в обратном направлении. Здесь следов было не так много, но он понимал, что среди них остались и его собственные. На полпути от детского сада к отелю

«Полар» два подозрительных следа пересекали дорожку, шли мимо новой больницы и исчезали.

Скрепя сердце Кнут отомкнул дверь детского сада и зашел внутрь. Он никогда не бывал там раньше, но планировка оказалась предельно простой, так что игровую для детей постарше, от четырех до шести, не составило труда найти. «Вторая шахта» гласила большая надпись на двери, сделанная как бы детской рукой. Освещение в комнате было выключено. В полутьме он мог различить большой стол, окруженный детскими стульчиками, коробки с цветными карандашами, детские рисунки, пластмассовые игрушки, мишек и кукол. Кнут чувствовал себя здесь чужаком. Сам он в детстве не ходил в садик. В его родной деревне в Эстердалене такого заведения просто не было. Он играл с друзьями, и игрушками им служили шишки, камни, самодельные удочки и все прочее, что попадалось под руку. Мир игрушек в пастельных тонах и специальной детской мебели был ему недоступен. Он понятие не имел, что ему следует искать.

Темный коридор вел к двери на задний двор, где располагалась детская площадка. Он отпер дверь и вышел на крыльцо. Фонари вдоль дороги на Бломюру бросали лишь слабый отблеск на заснеженную площадку. Далеко вверху он мог различить угол дома Ульсенов.

Кнут осознавал, что это лишь игра воображения, и все же что-то угрожающее чудилось ему в сарайчике в дальнем углу площадки. Он стоял в собственной тени, засыпанный снегом по самую крышу. Дверь его была заперта. Теперь, оставшись наедине с собой, Кнут мог наконец допустить в голову мысль о том, что Элла, быть может, мертва. Убийства детей случались на Большой земле. Почему бы им не случиться и на Шпицбергене? Но в сарайчике не было никого, ни живого, ни мертвого. В одном углу высился штабель санок, в другом стоял ящик с детскими лопатками и метлами. Пол был покрыт снегом и щебенкой. Холод здесь внутри ощущался еще сильнее.

Сугробы за сарайчиком лежали в глубокой тени. Кнут заметил, что по ним несложно забраться до верха ограды, даже для самых маленьких. Куча следов детских ног и санок говорили о том, что дети всю пользовались этой возможностью. Он пересек площадку и сам взобрался на снежную горку. С той стороны забора снег был примят. Цепочка глубоких следов тянулась до самой проезжей части. Кто-то пешком подходил сюда со стороны дороги и стоял за оградой.

Кнут запер обе двери садика и вернулся на парковку. Его черный служебный автомобиль по-прежнему стоял в одиночестве. Магазины закрылись, и народ по большей части разошелся по домам. Он уселся на промерзшее сиденье и повернул ключ зажигания. Дворники смели с ветрового стекла тончайший слой снежной пыли.

Глава 5. Не робкого десятка

*Без отдыха гнет свои спины
Вьносливый крепкий народ.
В опасностях неисчислимых
Добыча угля там идет.*

Понедельник 15 января 19.00

– Могу я посмотреть бюллетени? – Трулте Хансен понимала всю неловкость ситуации. Но желание узнать, что же пошло не так, было сильнее. Подруги отвели глаза, а управляющий Шпицбергенского общественного объединения, казалось, не поверил своим ушам.

– Разумеется, не можете, – ответил он сердито. – В этом весь смысл письменного голосования.

– Но в правилах об этом ничего не сказано. Там говорится о письменном голосовании, а не о тайном, – Трулте не думала так просто сдаваться. Вероятно, случилась какая-то ошибка. Кто-то неправильно понял, за что они голосуют.

Комитет по подготовке Праздника солнца проводил свое первое заседание в самом центре Лонгиера, в одном из кабинетов Бизнес-центра. На дворе стояла середина января, пора было поторапливаться с приготовлениями. Меньше чем через два месяца, как всегда 8 марта, солнечный диск поднимется над горизонтом, и его свет озарит верхнюю ступеньку крыльца старой больницы. В городе это событие ознаменовывало приход весны. Празднование было масштабным, с шествием по улицам, играми для детей на центральной площади, танцами во дворце спорта и оркестром, выписанным из Осло. Не каждый удостоивался чести возглавить подготовку такого мероприятия.

Трулте Хансен была самопровозглашенной главой комитета последние девять лет. И не сомневалась, что возьмет на себя бразды правления и в этот раз. Так было бы лучше для всех. Она имела договоренности, знала нужных людей и все подводные камни. Большой ошибкой было выбрать вместо нее молодую, красивую и пробивную жену пилота «Эйрлифта».

За нее наверняка голосовали новенькие, такие как эта новоиспеченная учительница начальной школы. Если она и вправду отдала свой голос за фру Бергерюд, Трулте придется рассказать ей о своей работе в школьном руководстве. Те, кто недооценивал положение Трулте в Лонгиере, должны были получить урок. Тем не менее она ощутила, как сердце легонько сжал страх, природу которого она пока не понимала.

Фру Бергерюд воспользовалась воцарившимся молчанием, чтобы взять слово. Она предложила перенести детские забавы с площади на территорию детского сада «Угольные крошки».

– А то ведь малыши могут замерзнуть, – добавила она и с улыбкой оглядела собравшихся. – 8 марта на улице еще зима.

Можно подумать, она что-то об этом знала. Приехала на архипелаг вслед за мужем только в конце октября.

«А она время зря не теряет», – подумала про себя Трулте и переглянулась с парой подруг. Все знали, что фру Бергерюд закрутила роман с новым сотрудником администрации. Он и недели не пробыл на Шпицбергене, как их уже видели входящими вместе в его квартиру. Бедная фру Хансейд, такая милая и порядочная.

Комитет до позднего вечера занимался составлением программы праздника. Фру Бергерюд также избрали, несмотря на горячие протесты Трулте, ответственной за проведение аук-

циона и сбор средств на благотворительность. Поэтому по дороге от Бизнес-центра до площади женщины не особенно разговаривали друг с другом.

Темный силуэт выступил внезапно из тени бронзовой статуи шахтера. Фру Бергерюд вскрикнула, больше от неожиданности, чем от испуга.

– Неужели нельзя ничего с ним сделать? – спросила она раздраженно. – Он выглядит как бомж. Почему он шатается, где придется, и подкрадывается исподтишка?

– Он имеет право выглядеть, как ему заблагорассудится. Он ничем не хуже остальных, – ответила строгим тоном одна из женщин.

– Конечно, но он же пугает людей. Я слышала, что по вечерам он стоит под окнами и подглядывает, как люди раздеваются перед сном.

– Вот этого он точно не делает, – вмешалась в спор возмущенная Трулте. – Пер Лейквик всю жизнь трудился в шахте. И таким, какой он есть, его сделал несчастный случай. Но он добрый человек. И я не допущу, чтобы кто-то говорил о нем плохо, даже если этот кто-то недавно приехал и еще не до конца освоился. К тому же обычно людям хватает ума задерживать шторы в темное время года, а не стоять голой и не демонстрировать прохожим свои прелести.

Довольная своей отповедью, Трулте едва сдержала улыбку.

Муж Трулте Хансен был одним из тех, кто погиб в шахте во время большого взрыва метана пятнадцать лет назад. С годами она, казалось, справилась со своим горем. Но она редко говорила о тех ужасных часах, когда отчаяние и надежда переплелись в ее душе, питая друг друга. Три спасателя погибли при обвале тоннеля. Двое из них навсегда остались под завалами. Их обожженные мертвые тела больше никому не довелось увидеть.

Позднее необходимость того ужасного риска, которому подвергли себя спасатели, была поставлена под сомнение. Неужели стоило жертвовать тремя ради спасения одного? Но старший смены не сомневался. Этого было не понять тем, кто не работал в шахте. День за днем горняки спускались под землю, ни слова не говоря о пугающем потрескивании низких сводов, о страхе, который неизменно следовал за ними как еще один рабочий смены. Им помогало держаться только одно – уверенность, что товарищи никогда не оставят их лежать в темных тоннелях, если будет хоть малейший шанс на спасение.

Спасся лишь один из запертых завалом шахтеров – Пер Лейквик. Лицо и одна рука у него были так обожжены, что выглядели просто месивом из крови и мяса. Бедро и голень одной ноги были так переломаны, что врачи, оперировавшие его в Губернском госпитале в Тромсё, за много часов не произнесли ни слова. Но он выжил. На затылке у него остались вмятины от упавшего обломка скалы.

Пер пролежал в коме несколько недель. Нейрохирург сообщил шахтерам, что их товарищ вряд ли выживет, хотя он часто лежал и улыбался, насколько позволяло обожженное лицо. Но в один прекрасный день Пер открыл глаза и заговорил. Мало кто понимал его речь. Он начал сильно заикаться. И те из друзей, кто думал, что это со временем пройдет, ошиблись.

Он продолжил работать на «Стуре Ношке». Руководство решило, что ему не захочется возвращаться в тесные тоннели, и предложило ему должность разнорабочего в наземном блоке Седьмой шахты. С годами многие позабыли, что Пер Лейквик когда-то был хорошим шахтером, пользовался любовью и уважением коллег. С ним все чаще стали обращаться как с помешанным. Изуродованное шрамами лицо и то, как он ходил, прихрамывая и подволакивая ногу, только усугубляло дело. Многие пугались его вида или потешались над ним. И в довершение всего люди не понимали, что он говорил.

Но каждый раз, когда Пер Лейквик встречал Трулте на улице или на площади, он отступал в сторону, вытягивался по струнке, снимал, независимо от погоды, свою огромную грязную меховую шапку и стоял так, пока она не проходила мимо. Муж Трулте был первым, кто

погиб под завалом, когда команда спасателей прорывалась к месту, где лежал обожженный, корчившийся от боли Пер Лейквик.

Когда женщины подошли к проезжей части, Трулте там уже поджидало одно из двух городских такси. Она жила в самой высокой точке Бломюры, откуда открывался фантастический вид на весь Лонгиер. Женщины проводили глазами красные стоп-сигналы такси, исчезнувшего в снежном вихре. Фру Бергерюд не проявила желания составить компанию Трулте, хотя и жила неподалеку.

– Что ее держит в Бломюре? – спросила фру Бергерюд, не обращаясь ни к кому конкретно. – Там же одни шахтеры и холостяки. Сплошь шум и попойки. Весной мы планируем перебраться поближе к центру. Нам выделили квартиру в одной из новостроек.

Ей никто не ответил. Но про себя подумали. Вот как, переезжаете, значит? Интересно, где они тогда будут встречаться, если, конечно, эта интрижка протянет до весны. Да, и если уж на то пошло, где они встречаются сейчас? Точно не в Бломюре, иначе бы Трулте их заметила. Нет, фру Бергерюд и полисмен наверняка нашли местечко для встреч подальше от пристальных взглядов. Но где?

Выходя из такси, Трулте увидела, что в доме напротив происходит что-то необычайное. Одна из машин администрации губернатора стояла у дома с включенным двигателем. Выхлопы белыми облаками клубились у входа, так что Трулте пришлось подойти поближе, чтобы разглядеть в чем дело.

Офицер полиции Эрик Хансейд стоял у входа в жилище семейства Ульсенов. Трулте отважилась приблизиться еще на несколько шагов. И увидела сидящего посреди крыльца Стейнара Ульсена. На коленях у него лежала винтовка. Туны с дочуркой было не видно.

Трулте не знала, вооружен ли полицейский, но надеялась, что нет. Иначе все могло закончиться плохо. Она подошла еще на несколько метров и оказалась уже так близко, что могла слышать, о чем они говорят.

– ...один из звонивших соседей. Из вашего дома несколько часов доносились крики. Сосед говорит, ему показалось, что вы ударили жену. Это так?

В ответ с крыльца донеслось лишь что-то невнятное, смесь пьяного бормотания и ругательств.

– Губернатор получает жалобы на ваше поведение уже третий раз за месяц. Как вы наверняка понимаете, никто не будет долго мириться с вашими бесконечными скандалами, несмотря на все терпение семьи.

Трулте покачала головой. С пьяным надо вести себя по-другому. По крайней мере если он сидит с маузером на коленях. Новый полисмен был заметно напуган. Трулте, в свое время работавшая поварихой на шахте «Свеа», где контингент был почти исключительно мужской, потеряла счет дракам, которые ей довелось разнимать.

– Уберите винтовку, иначе вам придется поехать со мной в участок, – сказал Хансейд и шагнул в сторону крыльца.

Стейнар Ульсен буркнул что-то и направил винтовку на полицейского.

– Вы что? Вы не можете угрожать полицейскому заряженным оружием! – воскликнул Хансейд.

– Это та кобыла на меня настучала, верно? Та фифа жопастая, что живет тут по соседству, – речи Ульсена вдруг вернулась ясность. Он встал и замахал винтовкой в направлении дома четы Бергерюд. – И ты тут как тут, рад стараться, хрен бергенский. Весь город в курсе ваших пашней.

Хансейд покраснел от гнева и шагнул еще ближе. Но поскользнулся на обледенелой нижней ступеньке, упал и завозился в снегу. Поднявшись на одно колено, он попытался схватить винтовку.

Но Трулте была быстрее. Уверенным шагом, минуя полисмена, она направилась к крыльцу.

– Стейнар, ты что удумал, дубина ты этакая. Подумал бы про жену, которая сидит там внутри, перепуганная до смерти. Про дочку бы подумал, – она говорила все это на ходу, громко и сердито.

Стейнар растерянно заморгал. Он заметил ее только сейчас. Но вместо того, чтобы схватить ружье, она поднялась еще ступенькой выше, вцепилась ему в волосы и стукнула его изо всех сил по затылку. Атака была столь неожиданной, что Стейнар Ульсен выпустил винтовку и ухватился за голову, пытаясь защититься от ударов.

– Что я такого сделал? Прекрати!

Трулте поддела ружье ногой и сбросила его со ступенек. Оно приземлилось в снег прямо возле Хансейда.

– Вот как это делается, – сказала она с нотками триумфа в голосе.

Глава 6. Объявлена в розыск

Четверг 22 февраля 19.30

– О, простите, – сказал Эрик Хансейд, подняв глаза. – Не подумайте, что мы тут секретничаем. Мы с Анной Лизой просто стояли и гадали, с чего начать. Все же согласны, что дело не терпит отлагательств?

Он склонился над губернатором, которая сидела за письменным столом и листала заметки Кнута. Эти двое разговаривали так тихо, что ни Том Андреассен, ни Кнут не могли их слышать.

«Мы с Анной Лизой», – хмыкнул про себя Кнут. Но попытался скрыть раздражение. Вслух он сказал лишь, что важно сделать все, что нужно, в правильном порядке. Именно потому, что надо спешить.

– Это же я занимаюсь этим расследованием, раз уж я нынче дежурю и принял вызов?

Том Андреассен, заместитель губернатора и по совместительству начальник полицейского отделения, не мог не замечать яростного соперничества двух своих подчиненных, но не понимал его причину. Оба были новенькими. Кнут прибыл в качестве летнего сотрудника в прошлом году, а Эрик Хансейд получил место за пару месяцев до Рождества. Оба были педантичны и прилежны в исполнении полицейских обязанностей. Хансейд с амбициями, явно искал повышения. А вот энтузиазм Кнута относительно Шпицбергена заметно поугас. Он признался Андреассену, что жалеет о своем приезде и хочет вернуться на Большую землю, в идеале в свой родной Древшё. Поэтому конкуренция между двумя молодыми полицейскими возникла как будто на пустом месте, и сложно было сказать, почему же они не нашли общего языка. Андреассен в этом случае пользовался избитым «не сошлись характерами». Это объясняло многое.

– Насколько мне известно, никто еще не лишал меня звания начальника полицейского отделения, по крайней мере пока.

Он произнес это шутливым тоном. Том Андреассен – известный дипломат.

– По-моему, нам нужно следовать установленному порядку. Розыск возглавлю я сам.

Он подошел к столу Анны Лизы Исаксен и взял заметки Кнута.

– Пока у нас нет никакого расследования. Только розыск одного или нескольких пропавших.

– Розыск, – отозвался Кнут. – Губернатор, начальник полиции и два офицера. Не густо в плане ресурсов.

Губернатор глубоко вздохнула.

– Я считаю, что наш единственный выход – созвать добровольческие поисковые отряды Красного Креста и пожарной службы. Кто-то из родителей тоже наверняка вызовется помочь. Если бы мы только могли надеяться, что поиски не привлекут внимания широкой общественности... А то ведь никогда нельзя быть уверенным. Нельзя забывать и про другие возможности.

Они обзвонили все шестнадцать семей, чьи дети посещали «Угольные крошки», и спросили, видели ли те Эллу, когда забирали своих детей. Увы, безрезультатно. Она никому не попадалась на глаза. Но это еще ничего не значит, уверяли они. После обеда всегда такая суета.

Кнут рассказал про следы в сугробе за оградой детской площадки:

– Нельзя полностью исключать, что их оставил ребенок. Но они больше похожи на следы взрослого человека. Ума не приложу, как ребенок мог пробраться через такую массу снега. Там глубина больше метра.

Эрик Хансейд перевел на него взгляд и произнес тягучим картавым бергенским выговором:

– Не стоит корить себя за то, что не сообщил нам об этом раньше. Ребенок вряд ли ушел бы из садика в одиночку. По крайней мере по глубоким сугробам. Если только она не чувствовала, что ей что-то угрожает?

– Но я ведь указал в отчете... Анна Лиза?

Почему Эрик Хансейд вечно заставляет его оправдываться? И с каких это пор он стал экспертом в детской психологии?

Хансейд сделал вид, что не заметил враждебный тон Кнута. Как подобает уроженцу Бергена, он был преисполнен самоуверенности и даже любил, когда ему перечили. А еще ему нравилось командовать. На фоне Кнута, который не умел сдерживать раздражения, из-за чего казался несговорчивым и ворчливым, Хансейду несложно было производить впечатление надежного и опытного полицейского.

Андреассен прервал дальнейшие споры:

– Есть три возможных объяснения, почему Элла исчезла. Ее мог забрать отец, она могла уйти сама, наконец, ее мог увести или похитить кто-то еще. Последнее я считаю маловероятным. Но на улице холодно, а потому нам надо спешить. Прежде всего надо проверить, не могла ли она заблудиться и упасть в глубокий сугроб.

– По словам матери и заведующей детским садом Элла была тепло одета. Современные зимние комбинезоны для детей обычно толстые и подбиты флисом. Плюс на ней была меховая шапочка с завязками под подбородком, которая хорошо защищает лицо. А на ногах – теплые шерстяные носки и сапожки на овчине. Так что, несмотря на собачий холод, я думаю, в таком одеянии она имеет все шансы продержаться несколько часов.

– Если девочка покинула детский сад одна, она не могла уйти далеко. Мы должны прочесать каждый миллиметр сугробов вдоль дорог вокруг детского сада. Нетронутый снег можно не проверять. Слава богу, после обеда почти не сыпало. Я предлагаю вам, Анна Лиза, остаться здесь и координировать наши действия.

Он едва не ляпнул «сидеть на телефоне», хотя именно это и имел в виду. В администрацию в любой момент могли позвонить и сообщить, что Элла Ульсен нашлась.

Всем не терпелось начать поиски. Но Хансейд не мог сдержаться.

– Не забудьте изучить следы, которые обнаружил Кнут, – бросил он через плечо, первым покидая кабинет.

Сустя короткое время спасательные группы уже готовы были начать поиски. Их снабдили картами и списками, в спешке отскерокопированными в администрации, где указывались районы и снежные заносы, которые следовало осматривать со специальным противообвальным оборудованием. Двое добровольцев привели с собой собак.

– Они не очень тренированные, – сказал один из них извиняющимся тоном. – Нам не по карману посылать их на материк. Но, в любом случае, у собаки нюх лучше человеческого. А уж это не помешает.

Но Кнут не спешил начинать. Он отвел в сторону шефа Красного Креста.

– Вы не могли бы попросить своих людей не ходить там, где снег лежит нетронутый? В данный момент нам важнее всего найти Эллу, спору нет. Но может случиться, что через несколько часов нам придется искать следы – ног, покрывших, какие угодно, – и тогда лучше бы нам все самим себе не испортить. И еще: можете проконтролировать, чтобы никто не пошел следами, что ведут от детской площадки к дороге на Бломюру? Я хотел бы сам их изучить.

Кнут стоял и прислушивался к гомону поисковых команд, которые систематично удалялись от садика. Все это неизбежно вызывало любопытство обычных прохожих. Никто никогда не видел подобных поисков в центре Лонгиера. Но добровольцам наказали как можно меньше распространяться о происходящем, чтобы избежать праздных домыслов.

Наконец Кнут остался один. Он стоял и смотрел на следы за оградой. Тишина и темнота безлюдной детской площадки, уличные фонари, рисовавшие на заснеженной земле круги золотистого света, скрип снега под ногами, приглушенные голоса – все это вдруг вызвало в нем ощущение полной бесполезности поисков. Кнут ни на минуту не верил в то, что Элла лежит где-то и барахтается в снегу, не в силах выбраться. Не то, чтобы такое в принципе не могло случиться. Ему самому доводилось падать в глубокий снег, и он знал, как непросто бывает вылезти на поверхность. Но с девочкой произошло не это. Иначе она бы стала звать на помощь. И кто-нибудь бы да услышал.

А вот еще эти следы за забором. Кто-то не поленился лезть по сугробам от дороги до садика. Кто-то стоял за оградой и смотрел на детей. Возможно, это не имело никакой связи с пропажей Эллы. Но вокруг детского сада явно происходило что-то, о чем не догадывались его сотрудники. Кнут был убежден, что это следовало выяснить, и как можно скорее. Оставалось надеяться, что речь шла о чем-то вполне невинном, что просто случайно всплыло в связи с исчезновением девочки. Но если эти два обстоятельства взаимосвязаны, полиции, возможно, придется иметь дело с чем-то серьезным.

Время приближалось к девяти. Большинство обитателей Лонгиера уже сидели по домам. Магазины закрылись несколько часов назад, температура продолжала падать и достигла отметки в минус двадцать восемь. Во многих домах и квартирах пришел час новостей. Люди дремали в кресле перед телевизором с чашкой кофе в руках. Лишь немногие семьи с тревогой во взгляде укладывали пораньше своих детей, радуясь, что в новостях не показали никаких срочных репортажей со Шпицбергена.

На окраине Лонгиера поисковые отряды подошли к краю территории, которую им следовало обыскать. Те, кто шел вдоль старой дороги мимо церкви и телеграфа в направлении закрытой станции канатки, закончили последними. Стемнело, и участники поисков достали фонарики, чтобы получше исследовать снежные заносы. У старого кладбища с пригоршней облезших покосившихся крестов они наткнулись на следы, похожие на детские. Но это оказался всего-навсего олень.

Анна Лиза Исаксен сидела за столом у себя в кабинете и терзалась сомнениями. Правильно ли она подошла к этому делу? Подобаает ли губернатору просто сидеть в кабинете? Или она еще чем-то может быть полезна? Она сомневалась, что поступает должным образом и делает все возможное. Разумеется, она была компетентным специалистом, имеющим за плечами опыт работы в Министерстве юстиции и в полиции. Но ничего из того, что случается на Шпицбергене, обычно не согласуется с должностными инструкциями. Тут не бывает типичных и рутинных дел. И как губернатор она всегда на виду. Прав был, наверное, покойный губернатор Берг, когда в доверительной беседе иногда жаловался на тяжелый груз ответственности, сопровождающий эту работу. На то, что, гуляя по городу, неизменно ловишь на себе пристальные взгляды из проезжающих мимо авто, а стоит зайти в кафе, как все разговоры за столиками мгновенно стихают. И на то, что невозможно выпить в пабе в одиночестве кружку пива и не столкнуться днем позже со слухами о своей депрессии или начальной стадии алкоголизма. Анна Лиза вздохнула и бросила взгляд на незакрытую дверь, ведущую в темный коридор. Пожалуй, зря она вспомнила покойного Берга.

Минимум раз в час Анна Лиза Исаксен звонила Туне Ульсен. Мать Эллы была дома не одна. Ее опекала заведующая и другие коллеги. Но трубку она всегда поднимала сама. К сожалению, губернатор мало что имела ей рассказать. Она сообщила о начале поисков. Дело продвигалось медленно, так как поисковые отряды обследовали окрестности садика с особым тщанием. Но, с другой стороны, они могли исключить из зоны поисков большие площади снежной

целины на открытых участках между дорогами, а также длинные отрезки утоптанного снега на пешеходной дорожке.

В душе Туны Ульсен огорчение от того, что дочь все еще не найдена, раз за разом сменялось облегчением от того, что губернатор не сообщала плохих новостей. Женщины выработали определенную схему беседы: в ситуации, где каждое новое известие могло быть печальным, одни и те же ритуальные фразы действовали успокаивающе. Губернатор не уставала повторять, что все работают на пределе возможностей с одной целью – найти Эллу в живых.

Но около девяти их разговор принял новый оборот. Туна наконец-то поняла, что не давало ей покоя в комнате дочери. Пропал любимец Эллы, довольно затасканный плюшевый мишка, которого подарил ей отец. Обычно он всегда лежал под одеялом в кровати девочки. Каждое утро Элла повторяла: «Мишка не выспался, он не может сегодня пойти со мной в садик». Мать была уверена, что и в этот день дочка не взяла его с собой. И вот он пропал.

Губернатор не успела положить трубку, как телефон зазвонил снова. Это был дежурный Шпицбергенского радио, располагавшегося в диспетчерской вышке аэропорта.

– Вечер добрый. Чем вы там занимаетесь? Я звонил на дежурный номер и на АТС, но никто не отвечает. Везде занято. И тут я додумался набрать ваш прямой номер, а вы, оказывается, до сих пор на работе, хотя на часах уже девять вечера. Что происходит, а?

Радиооператор продолжал, не дожидаясь ответа:

– Понимаю, это в некотором роде не мое дело. Но мне кажется важным передать сообщение от водителей снегоходов, которые возвращаются из Баренцбурга. Они попытались дозвониться вашему дежурному, но и у них не вышло. Возможно, вы в курсе, куда он запропастился?

В голосе его звучало плохо скрываемое любопытство. Но Анна Лиза не ответила.

– Да, так вот. Эти ребята хотели сообщить, что видели белую медведицу с двумя медвежатами. Судя по всему, животные движутся в сторону мыса Вестпюnten и аэропорта. Как вы понимаете, они вполне могут забрести в Лонгиер. Запах еды из ресторанов и все такое. А значит, вам нужно выехать и отогнать их, верно? Чтобы медведи не пошли через город. Это может быть опасно для случайных прохожих.

Глава 7. Украдкой

Вторник 19 декабря 14.20

Офицер полиции Эрик Хансейд пробыл на Шпицбергене уже два месяца, когда к нему наконец присоединилась жена. Она долго колебалась, не могла решиться. Но сидя в самолете до Лонгиера, сомневаться было уже поздно.

Что-то изменилось. Поначалу ей казалось, что все дело в самом месте, холоде, темноте и грандиозных пейзажах. Когда она сошла с трапа самолета и увидела гигантский ангар и пассажиров, которые, как цепочка муравьев, потянулись в сторону дверцы по соседству с огромными воротами, ее на мгновение охватила паника. Клубы дыма поднимались от машин, которые стояли с работающими двигателями. Огни аэродрома ослепили ее. В первый момент она не увидела ничего вокруг, только черную стену. Все это выглядело как сцена военного фильма, где действие происходит в какой-то далекой стране. Так что сначала она даже не заметила обжигающего ледяного ветра.

Он встретил ее в зале прилета. Обнял и погладил по спине, как будто пытаясь ее согреть.

– Ты что, все время ходишь в форме? – удивилась она. Он казался таким чужим.

Он улыбнулся ей широкой приветственной улыбкой. Дружелюбно, как гостю.

– Ну, на Шпицбергене это обычное дело. К тому же это не совсем форма.

Он провел рукой по черной зимней куртке с губернаторской эмблемой на одном плече.

Они стояли у багажной ленты в примитивном зале с бетонным полом и дощатыми стенами, которые когда-то были белыми. Ее чемоданы выгрузили одними из последних. Он вынес их к большому черному автомобилю с белой надписью «Губернатор» по бокам. Он оживленно болтал. Рассказывал ей, что они будут делать, что он взял отгул на остаток дня и повезет ее сейчас в новую квартиру, которую им посчастливилось получить. Что он еще не перевез туда свои вещи из предыдущего жилища. Она сама может решить, как обставить их новый дом. При этом он постоянно озирался.

– Ты еще кого-то ждешь? – спросила она.

Они поехали в направлении Лонгиера по узкой грязной дороге. И тут она увидела горы. Нависающие над ними подобно лицам гигантов, которые наклонились разглядеть мелких насекомых. И фьорд – белый и плоский, как ковер. Ошеломляюще огромный. Поселение далеко впереди, казалось, вцепилось в скалы, боясь свалиться на лед.

Дорога вилась вдоль этой бесконечной равнины. Но она заметила также несколько домов на другой стороне фьорда.

– Там кто-то живет? – спросила она удивленно.

– В тех домах? Нет, это просто старые развалюхи, остатки английской шахты начала века. Сейчас там никто не живет.

И вот взгляду открылась широкая долина, в которой лежал город, где ей предстояло жить, возможно, не один год. Он посмотрел на нее, когда они проехали причал и по правую руку перед ними развернулся Лонгиер.

– Красиво, да? Похоже на бриллиант в оправе, правда? Все эти переливы огней.

Но она ничего не ответила, потому что арктический городок показался ей пустынным и ненастоящим. Как будто он появился тут ненадолго и вскоре исчезнет под лавиной.

Они долго ехали вверх по холму, между рядами красных таунхаусов. Он остановился у одного из них почти на самой вершине холма. Дом был погружен во тьму, ступеньки крыльца замело снегом.

– Прости, – начал оправдываться он. – Мне бы следовало хотя бы почистить крыльцо. Просто, понимаешь, я живу в комнате в здании администрации. Одному так было проще. И фонарь, кажись, сломался?

Они запрокинули головы и уставились на неработающую лампу.

У него ушла всего пара минут на то, чтобы очистить ступеньки, но она уже успела продрогнуть в своем новом пуховике. Чемоданы стояли рядом. Она чувствовала себя совсем беспомощной. Но он легко взбежал на крыльцо и отомкнул дверь. Красавчик в черной куртке. Почему ему не холодно? Она схватила один из чемоданов и поволокла его через дорогу.

– Нет, нет, позволь мне...

И вот они внутри. Он нажал выключатель. Ничего не произошло.

– Что, и тут света нет?

Они прошли на ощупь через темную прихожую и поднялись по лестнице на второй этаж, где уличный фонарь с другой стороны дома светил в окно, отбрасывая на ступеньки черные тени. Зашли в гостиную. Он опустил чемоданы. Но свет не включался и там. И было холодно. Маленькое облачко пара вылетело у него изо рта, когда он заговорил.

– Фрэйдис, дорогая, прости. Кажись, я забыл позвонить коммунальщикам и попросить их подключить электричество. – Он забежал на кухню и стал открывать шкафчики, один за другим. Ему повезло найти свечку, которую он поставил в кружку и поджег зажигалкой.

– Так-то лучше. Поуютнее.

– Ты носишь с собой зажигалку? Курить начал, что ли?

Он обернулся с деланно бодрой и вежливой улыбкой на губах.

– Знаешь, что? Я сейчас поеду в офис и позвоню в коммунальную службу. Они в момент все подключат. Ты побудь пока здесь. А я заеду в магазин и куплю немного еды.

Он выскочил за дверь и сбежал вниз по лестнице, не дав ей опомниться и запротестовать.

Она зашла в гостиную и уселась на чемодан. Другой мебели там не было. Он не жил в этом доме. Посидев несколько минут, она встала и пошла осматривать комнаты. Нигде никакой мебели, только холод и темнота. Она поняла, что что-то было не так. Что ее здесь не ждали.

Рождество в Лонгиере всегда праздновали очень душевно, и этот год не стал исключением. Рождественское богослужение было, как обычно, трогательно красивым, а церковь полна народа. Детский хор пел довольно пристойно, несмотря на то что самым маленьким певцам из детского сада, как всегда, больше нравилось гримасничать, чем петь. Это вызывало смех, который временами почти заглушал пение.

Люди сидели на скамьях родом из семидесятых с сиденьями, обтянутыми зеленым шерстяным сукном, от которого чесались задницы. Фрэйдис, сидевшей рядом с сотрудниками администрации и их супругами, хор казался чудесным. Дети в своих лучших нарядах, с торжественными минами и сияющими глазами. И старый шахтер с обожженным лицом, стоявший перед ними как высокое темное дерево.

В этом году Пер Лейквик придерживался тщательно подобранного репертуара и пел псалмы, предложенные священником. Его невероятно ясный тенор расходился волнами под сводами строгого церковного зала. Елка мерцала огоньками, сладко пахли цветы, прибывшие накануне бортом с материка. Люди улыбались Фрэйдис, и она улыбалась им в ответ.

Старожилы Лонгиера знали, что своим прекрасным голосом Пер Лейквик отчасти был обязан ужасной трагедии, случившейся в шахте много лет назад. И прихожане на короткое время забывали, что зачастую принимали старого шахтера за городского сумасшедшего – по причине обширных повреждений его мозга. Вернувшись из госпиталя на Большой земле, он стал заикаться так сильно, что лишь немногие понимали его речь. Но в придачу к этому он получил абсолютный слух и необычайно красивый голос.

Он не всегда соглашался продемонстрировать свои новые таланты хоть на церковных, хоть на светских праздниках. Случалось, он внезапно переключался на более скабрешный песенный материал, которого, увы, помнил немало. «Не стоит забывать, что у него не все в

порядке с головой, – осторожно вступались самые добрые. – На него нельзя сердиться. Он ведь не со зла».

Но не все соглашались терпеть одинокого бродягу, бесцельно шатавшегося по городу.

– Он это нарочно, – говорили те, кому «посчастливилось» столкнуться с шахтером, когда он был в дурном расположении духа. – Пер может быть весьма коварен. Не позволяйте ему себя провести только оттого, что вам его жаль.

Но во время нынешней мессы все прошло гладко, возможно, потому, что вместе с ним пел детский хор. Пер Лейквик очень любил детей.

За службой последовал прием в доме губернатора, с глинтвейном и сладостями. А новогоднюю ночь чета Хансейдов встретила с друзьями мужа в ресторане отеля «Полар». Все громко болтали и смеялись, а Фрэйдис даже подлила коньяк в кофе, хотя обычно не пила крепкого спиртного. В небе переливалось северное сияние, когда они возвращались в свой дом на вершине холма.

Пятница 5 января 17.45

Уже в первые дни января стало ясно, что маленькому полицейскому участку серьезно не хватало сотрудников. Почти каждый вечер Эрику Хансейду приходилось задерживаться на работе. Скопилось много дел, объяснял он.

– Каких еще дел? – осторожно спрашивала она. – Неужели на Шпицбергене так много преступности?

– Ну, мы не про все рассказываем газетчикам, – хмыкнул он из прихожей, надевая теплую черную куртку. – В основном всякая мелочь: то снегоход украдут, то кто-то влезет в охотничий домик, драки, семейные скандалы и все такое. Но бумажной работы от этого не меньше. И на это надо время, сама понимаешь. Буду дома через пару часов.

И он исчез за дверью.

Его измена вскрылась случайно. Тех двух девиц, что ненароком его разоблачили, она знала только в лицо. Они стояли перед ней в очереди в кассу супермаркета и беззаботно болтали об одной дамочке, жене пилота местной авиации, которой не мешало бы присмотреть за собственным красавцем-мужем вместо того, чтобы мутить с чужими. Возможно, она бы и не связала эти пустоголовые сплетни с Эриком, если бы одна из девиц не назвала его по имени. Но и тогда до нее дошло не сразу, а только когда одна из подружек, заметив Фрэйдис, предостерегающе ткнула другую в бок.

Она сделала вид, что ничего не случилось. Когда на кассе подошла ее очередь, она аккуратно выложила покупки на ленту. Улыбнулась и заметила, что синоптики обещают оттепель. Подумать только, январский дождь на Шпицбергене, разве такое возможно?

В первые дни января все будто провалились в глубокий темный колодец, из которого нельзя было выбраться. Возможно, по контрасту с рождественскими праздниками, когда город лежал, подобно уютному дому любимой тетушки, укутанный в белое одеяло пушистого снега. Когда люди много и вкусно ели и часто были навеселе. Бездельничали дома и ходили в гости. Для визита годился малейший повод. С такой полярной ночью можно было жить. Если б только так продолжалось и дальше.

Но тут сказка резко закончилась, и настали будни. Эта полярная ночь была понурим, непредсказуемым третьим ликом зимы в местных широтах. И таких ликов у полярной зимы было еще немало. Изо дня в день картина за окном менялась. Пасмурный южный ветер поливал все дождем, который мгновенно превращался в лед и просачивался сквозь закрытые двери, заставляя людей сделать батареи погорячее или подкинуть дров в камин. Тех счастливиц, у кого был камин. Но стоило выйти на улицу – и дождь обрушивался, как проклятие, на всех без разбору. Замерзшая земля почернела и поглотила весь дневной свет.

Все валилось из рук, и на работе, и дома. Люди падали на диван и дремали вплоть до вечера.

Сотрудники администрации губернатора, зевая, приходили на работу и начинали день с приготовления больших термосов кофе. В остальное время они бродили по кабинетам и болтали друг с другом.

– Ну, что новенького? Ничего не слышно?

Но никаких особых новостей не было. Ничего не происходило за черными зеркалами окон. Казалось, весь Лонгиер погрузился на двадцать тысяч морских саженей на дно неизвестного океана. Всякая связь с внешним миром была потеряна, и все рассылаемые сигналы возвращались назад, подобно далекому эху.

Фрэйдис Хансейд и Тур Бергерюд повстречались возле супермаркета в один из самых темных дней зимы. Было самое начало января, в витрине все еще висели рождественские украшения, запыленные и искусственные, как несдержанные обещания после затянувшегося праздника.

Первый месяц года в Арктике может порадовать особой темной морозной красотой. Но в первые дни этого года случилась оттепель. Теплый атлантический воздух устремился в узкий коридор между двумя антициклонами и обрушил на арктический городок ледяной дождь. За какую-то пару часов землю укрыл толстый слой мерзлой жижи. От больших сугробов, возвышавшихся по обе стороны дорог, остались грязно-серые кучи, похожие на кости доисторического змеящера. Пройти по городу пешком стало почти невозможно. Люди неуклюже шагали, широко расставив ноги, в страхе, что земля каждую секунду может уйти из-под ног.

Фрэйдис упала на выходе из супермаркета с полными пакетами еды в руках. Все, кто был поблизости, это видели. Кое-кто даже улыбнулся. А она лежала. Ладони содраны об лед. Штаны моментально промокли. Покупки высыпались из пакетов и валялись вокруг.

Он остановился и помог ей подняться.

– Да это же Фрэйдис Хансейд? – сказал он с деланным удивлением в голосе. Она рассмеялась в ответ, в основном от смущения, а потом заплакала.

– Фрэйдис, ну что же вы. Не ушиблись? Фрэйдис, не надо...

Она вытерла слезы, а он помог ей отряхнуть одежду, собрать покупки и уложить их, мокрые и облепленные грязным снегом, обратно в пакеты. Они зашли в кафе «Горняк». Он поддерживал ее под руку, как будто она нетвердо стояла на ногах. В помещении кафе царил полумрак: верхний свет потушили, только на столиках горели свечи. Было тепло, как оно всегда бывает в домах в это время года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.